

Владимир Венгловский Марина Ясинская

РУННЫЕ ВИТРАЖИ

FS:MM:IC:JX:IC:MX:HG:NY:PX:TS:TX:PF:BR

Зеркало (Рипол)

Марина Ясинская

Рунные витражи

«РИПОЛ Классик»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ясинская М. Л.

Рунные витражи / М. Л. Ясинская — «РИПОЛ Классик»,
2018 — (Зеркало (Рипол))

ISBN 978-5-386-12172-3

Новая книга серии «Зеркало» – это витраж, где каждый рассказ – как яркий осколок, отличающийся своим цветом и жанром. А собранные вместе, они складываются в одну большую картину иной реальности. В узорах рунных витражей встречаются со смертью, теряют счастье, ищут любовь и вопреки всему верят в чудо. И порой это чудо случается. Иллюстрации Екатерины Елисеевой.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-12172-3

© Ясинская М. Л., 2018
© РИПОЛ Классик, 2018

Содержание

1		6
	♂ Надежд разбитых груз	7
	♀ Маятник аварийного хода	17
2		30
	♂ Лучшее из времен	31
	♀ Кукольник	39
3		46
	♂ Безмолвный слуга	47
	♀ Рыжий, синий и мертвый	55
	Конец ознакомительного фрагмента.	68

Владимир Венгловский, Марина Ясинская

Рунные витражи

© Владимир Венгловский, Марина Ясинская, 2018

© Екатерина Елисеева, иллюстрации, 2018

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2018

* * *

Зеркало может хранить отражение целой вселенной, целый звездный небосвод вмещается в кусочке маленького посеребренного стекла. Если все знаешь о зеркалах, считай, что знаешь – почти все.
Терри Пратчетт. Ведьмы за границей

Бывают дни, похожие на витражные окна, когда сотни маленьких кусочков, различающихся по цвету и настроению, содвинутые вместе, складываются в завершенную – картину.
Мэгги Стивотер. Дрожь

Когда верховный правитель северных богов Один обрёл Руны и передал их смертным, мужчина и женщина воспользовались ими по-разному.

Мужчина считал две дюжины Рун источниками власти и орудием потусторонних сил. Он наносил Тейваз на меч, чтобы привлечь победу, и накладывал Феху на плуг для хорошего урожая.

Женщина считала Руны источником знаний и орудием любви. Она нашивала Бекрану на пояс для плодородия и рисовала Вуньо над входом в дом – приманивала благополучие.

Как-то раз мужчина собрался в дальний поход. Опасаясь надолго оставлять дом и семью, над входом он начертил Эйваз, Руну охраны. А женщина тем временем тайком нанесла на его меч Руну защиты и отражения всякого зла – Альгиз.

Когда мужчина, один из немногих выживших в походе, вернулся домой, в округе царили голод и разруха. Однако его семья и дом были в целости и невредимости.

– Спасибо, Эйваз, что уберегла моих близких! – с облегчением пробормотал он. – И тебе, Тейваз, спасибо, – погладил он рукоять меча с давно нанесённой на неё руной, – ты хранила меня в бою.

– Хранила тебя моя Альгиз, – покачала головой женщина. – А наш дом уже давно защищает Вуньо...

Мужчина и женщина переглянулись.

– Руны становятся сильнее, когда стоят рядом, – медленно, словно делая открытие, произнесла женщина.

– И вдвоём они достигают того, чего не могут достичь по отдельности, – подхватил мужчина.

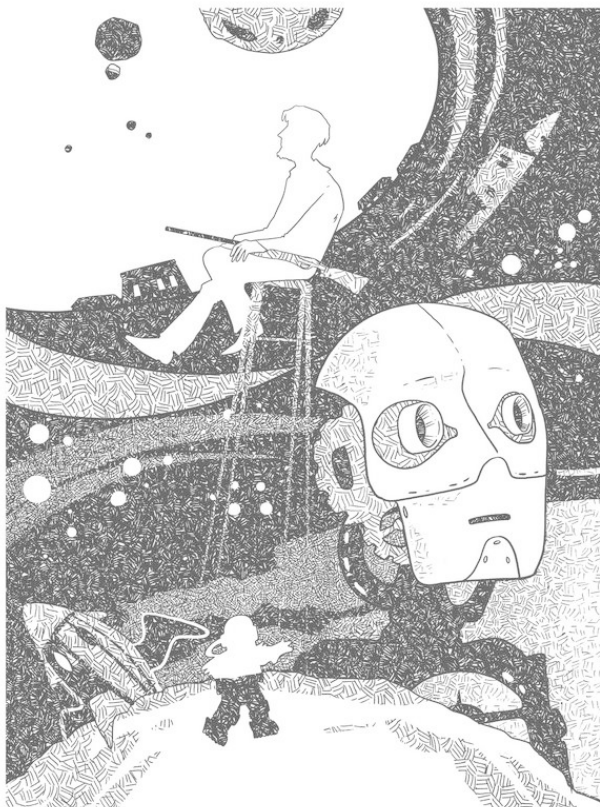
– Совсем как мы с тобой, – улыбнулась ему женщина, и мужчина обнял её в ответ.

♂ – Владимир Венгловский,

♀ – Марина Ясинская

1

Ансуз – Соулу

Катастрофа мирового уровня. Победа, обретение, разрешение ситуации.

Надежд разбитых груз

*В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я – или Бог – или никто!*

М. Ю. Лермонтов. «Нет, я не Байрон, я другой...»

Божественные звуки Пятой сонаты наполняют комнату и, вырываясь в открытое окно, плывут над безбрежной темной водой. Кресло-качалка поскрипывает, внося слабый диссонанс в музыку Бетховена. Но это не страшно. Я уже привык и менять ничего не собираюсь. Ни Бетховена, ни кресло, ни холод от Бенелли двенадцатого калибра в правой руке. Охотничье ружье, заряженное патронами с картечью, удобно лежит на подлокотнике и качается вместе со мной.

Вверх-вниз.

Вверх-вниз.

Прокравшийся в комнату ветер тербит занавески, и они шевелятся в такт музыке, словно паруса. И мне кажется, что старая девятиэтажка – это корабль, плывущий по вечному морю, чьи волны поднимают и опускают крепкую палубу.

Вверх-вниз.

Вверх-вниз.

Я закрываю глаза, прислушиваясь к посторонним звукам, прорывающимся сквозь музыку. Я их не слышу – скорее, чувствую. Или представляю.

«Топ-топ-топ», – это шлёпает широкими вечно мокрыми лапами, спускаясь по лестнице, Пингвин. И как только его Бледная Пакошь пропускает? Сожрёт ведь когда-нибудь.

«Шур-шур-шур», – скребётся, поднимаясь из воды по старой кирпичной кладке, длинное щупальце. Я – на седьмом. Уровень воды – между пятым и шестым этажами. Щупальцу ползти совсем недалеко, оно справляется со своей задачей и заглядывает в окно. Присоски на утолщении прислушиваются к дыханию тёплой добычи. Ко мне, то есть. Тварь, сидящая под водой на другом конце щупальца, ещё не знает, что такое патроны с картечью. Спасибо за Бенелли хозяину квартиры на девятом. Жаль, что не могу лично поблагодарить.

Давай-давай, подползай, хватит уже осторожно подкрадываться. Время поджидает.

Пингвин открывает дверь и появляется на пороге.

– И-и-и-и! – кричит он. – И-и-и-и!

Щупальце замирает в секундном замешательстве – «кто это?», «что делать?», – а затем, выпустив электрический разряд куда-то вверх, как натянутая резина, щёлкает обратно к окну – бежать, спасаться. Я стреляю вслеп. Часть картечи уходит в изрешечённую стену, часть – в окно. Но основной заряд попадает в щупальце, разрывая студенистую плоть. Мне кажется, что где-то глубоко-глубоко под домом кричит от боли неизвестный мне водяной зверь. Утолщение с присосками падает на пол, заливая покорёженный паркет голубой кровью.

– И-и-и-и! – радуется Пингвин, в предчувствии сытного обеда хлопая себя по лоснящимся бокам руками и переминаясь с ноги на ногу.

– Ну что ты наделал? – спрашиваю я, разглядывая чёрное пятно на потолке. – Чуть добычу не упустили. Ай-ай-ай.

Пристыженный Пингвин опускает голову, но я вижу по его хитрым глазам – нет, не раскаивается, в следующий раз опять без спросу притопаёт. Это он за меня переживает. Ему почему-то кажется, что я обязательно промахнусь и стану обедом для одного из тех. Из глубины котлоры.

Какой же из меня обед? Правильно – невкусный. Жилистый. Но Пингвина не разубедишь.

Я аккуратно вырезаю из остатков щупальца электрическую железу. Стоит только неосторожно её сжать, как из кольчатой трубки на конце ударит молния. Бережно опускаю железу в трёхлитровую банку с соляным раствором – пойду теперь наверх заряжать аккумуляторы. Хочется же ещё Бетховена слушать. Да и новости узнать не помешает. Вот и охочусь. На некоторых.

– Ешь, – кидаю я Пингвину всё, что осталось.

Пингвин хватается мясо прямо на лету и тут же проглатывает, громко чавкая зубастым клювом.

– Эх ты, плод моего воображения, – говорю я Пингвину, дружески хлопая его по плечу, – вкусно, небось? Да, это тебе не бычки в томате. Ладно, пошли радио слушать.

– И-и-и! – соглашается Пингвин, осматривая пол – вдруг где-то затерялся вкусный кусочек.

Я закидываю Бенелли за спину, беру под мышку старый магнитофон, сую в руки Пингвина банку, и мы выходим на лестничную площадку. Пингвин, переваливаясь с ноги на ногу, впереди. Я – сзади.

Стены покрыты потоками сырости. Плесень расплзлась по штукатурке витиеватыми узорами – радостью психоаналитика. Был у нас такой тип при лаборатории. Вызовет тебя в кабинет, откроет журнал и спрашивает: «На что, Серёжа Павлович, это похоже? А это? Вот сюда посмотрите». А там – кляксы разные, которые обязательно что-то напоминать должны. Ну да, напоминали, прямо как эти разводы на стенах. Вон тот, например, на зубастую пасть похож...

– Стой, Пингвин! – кричу я. – Я ж про Бледную Пакость из-за тебя забыл!

Возвращаюсь обратно в квартиру и сердито ищу, что бы такого отдать на этот раз. Взгляд падает на подписку старых литературных журналов за две тысячи двенадцатый год. С одной стороны – жалко. А с другой – что делать?

– Посторонись, – говорю, – Сусанин ты лапчатый, а не Пингвин.

Пингвин тяжело вздыхает.

Размахиваюсь и запускаю журналы в сторону лестницы. Связывающая их тонкая бечёвка рвётся, и журналы, шелестя листами, опускаются на лестницу шестого, сползают по ступенькам, шлёпаются в воду пятого.

Туда, где обитает Бледная Пакость.

Никогда не могу заметить момента атаки – лишь в воздухе зависает водяная взвесь, да перед глазами – бледная размытая пелена. Пакость передвигается так быстро, что увидеть её никак не получается. На лестнице не остаётся ни одного журнала – всё схватила, до каждого листочка. Сидит сейчас, разбирается – съедобно или нет.

– Пошли, – говорю Пингвину, – наверх побыстрее.

Хотя знаю, что можно и не торопиться. Пока Пакость поймёт, что схватила что-то несъедобное, минут пять проходит. После чего снова подстергаться начинает. Тугодум какой-то.

Мы поднимаемся выше. Пингвин, чувствуя за собой вину, грустно шлёпает позади.

– Пойдём сегодня к Старушке? И радио сюда принесём? – спрашиваю я, кивая на потрескавшуюся деревянную дверь на восьмом.

Дверь разбухла от сырости и, если на неё надавить, откроется с неприятным скребущим звуком. Квартира пропахла старыми газетами, керосином и ветошью. Все стены, начиная с

короткого тёмного коридора, обклеены чёрно-белыми фотографиями. Портреты, портреты... Улыбающиеся мальчики и девочки в нарядных костюмах, взрослые, так же дарящие ослепительные улыбки. Вся история многочисленного рода перед глазами. А Старушка жила одна. Одинокaя узкая кровать у стены. Пропахшая сыростью деревянная грузная мебель. Запасы крупы, сахара и соли. Керосиновая лампа на столе. Вот за запасливость – огромное Старушке спасибо. Это тебе не бычки в томате с девятого.

– Нет, – говорю я Пингвину, закрывая дверь. – К Старушке не пойдём. Пойдём к Охотнику. Там слушать будем.

Пингвин радостно кивает, приоткрывая длинный клюв.

– И-и-и-и, – шлепает он руками по лоснящимся бокам. – И-и-и-и.

В квартире Охотника Пингвину очень нравится разглядывать олени рога, висающие на стене.

Дверь к Охотнику бронированная, металлическая, такую не открыть топором, как дверь Старушки – пришлось пробивать стену от соседей. Сейчас замки можно не закрывать – гостей не предвидится. На весь дом – только я и Пингвин, если не считать надёжно засеvшую между пятым и шестым Бледную Пакость.

Прямо в прихожей скалится и глядит с пола пластиковыми глазами шкура бурого медведя. Роскошная мебель расставлена в безумном сочетании классики и хай-тека. В гостиной – шкаф со стеклянными дверцами, заполненный призмами и фотографиями. Фотографии разнообразием сюжетов не отличаются. Охотник с медведем и товарищами. Медведь – дохлый. Товарищи – живые и улыбающиеся. Охотник с двумя грустными убитыми кабанами, третий слева. Охотник где-то в Африке на сафари, львов, наверное, отслеживает.

Я смотрю на простреленный потолок и вспоминаю, как едва не снёс Пингвину голову.

– Пингвин, – киваю я на следы картечи на потолке, – помнишь?

Пингвин не помнит. Пингвин, приоткрыв клюв, смотрит на рога, висающие возле шкафа. Он очень занят. Кажется, не дышит даже. Я забираю банку из рук Пингвина, ставлю на стол и опускаю в неё контакт аккумулятора. Второй кидаю на батарею отопления. Вскоре аккумулятор зарядится, и можно будет услышать последние новости.

Выхожу на балкон и вдыхаю прохладную свежесть. До самого горизонта – вода, переходящая в голубое небо. Над торчащими остовами домов – тишина и огромное яркое солнце. Белые облака с розовой корочкой проплывают по небу и отражаются в водной глади. Говорят, что, оставшись один, человек может довольно быстро сойти с ума. Но я же не один – у меня есть Пингвин.

«Топ-топ-топ», – Пингвин тоже выходит на балкон. Снятые со стены рога он гордо держит в руках перед собой.

Пингвин подходит к перилам и сбрасывает рога вниз.

– Ну ты даешь! – говорю я.

– И-и-и, – соглашается Пингвин, тяжело вздыхая.

В это мгновение радио в комнате на столе кашляет и начинает вещать голосом диктора из новостей:

«Кх-х-х. Уровень воды за последнюю неделю не изменился. Пятнадцатиметровая водяная стена замерла на расстоянии ста двадцати километров от эпицентра трагедии в городе... Кх-х-х... Затоплено... Кх-х-х... Эвакуация продолжается. За последний месяц аномалия расширилась в диаметре на тридцать километров. Причины трагедии, приведшие к массовой гибели людей, до сих пор неизвестны. Ученые продолжают спорить о факторах, вызвавших необъяснимое стихийное бедствие. Почему вода замерла в огромном цунами, словно за невидимой стеной, и не разливается дальше, а передвигается скачкообразно? Откуда взялось такое количество воды посреди суши? Сегодня в студии профессор... К-х-х... Поддерживающий теорию о внеземном происхождении...»

Я схватился за голову. Больно. Очень больно. Боль набегает, словно морские волны. Пингвин испуганно смотрит и беззвучно раскрывает клюв.

– Слышишь, Пингвин внеземного происхождения, – сквозь боль улыбаюсь я, – помоги до кровати добраться.

Сильные руки Пингвина бережно подхватывают под мышки и опускают в кровать.

– Больше никогда меня не буди, – говорю я, чувствую на лбу его холодную ладонь и проваливаюсь в сон.

* * *

У озера с водой, отливающей на солнце изумрудами, растут дома. Именно – растут, словно мангровые заросли, окуная в прибрежную илистую воду толстые извилистые корни. В городе кипит жизнь. Маленькие шустрые обитатели напоминают древесных квакш, но только многоногих и с пучком щупалец у головы. Они бегают, открывая круглые дверки и выглядывая в окна. Среди города поднимаются огромные белые цветы, растущие из верхушек домов. Посреди лепестков сидят большие толстые жабы, важно и глупо глаза по сторонам.

– Кар-р-ра! – вдруг кричит одна, широко раскрыв рот и пузырями надувая щёки. – Кар-р-ра!

Тут же по лестнице взбираются несколько квакш, перекатывают жабу на носилки, бегут к воде и спешно бултыхают туда толстушку.

– На нерест пошла, – комментирует невидимый Пингвин.

– И в этом мире разум, – говорю я. – Вы что – сговорились все? Почему не попадается ни одного пустого мира?

– А они есть, пустые миры? – вместо ответа спрашивает Пингвин.

– Мне ещё не встречались. А ты не признаешься. Поросёнок ты, а не Пингвин. Там – «и-и-и» да «и-и-и», а как в мои сны пролезает, так болтаешь слишком много, только всё не по теме. Вообще – тебя кто сюда звал?

– Никто. Я сам пришёл. Тебе помогаю. И надеюсь, что ты найдёшь мой мир.

– А вот и нет никакого твоего мира, – говорю я. – И тебя нет. Ты только плод моего воображения. А я потихоньку схожу с ума от боли и одиночества.

– Думай как хочешь, – вздыхает Пингвин.

– Слушай, – говорю я, чувствуя далёкую подкрадывающуюся боль. – Ответь на вопрос наконец, это ты портал в мой мир открыл?

Но Пингвин, как обычно, не отвечает. А боль настигает меня во сне, набегает незримой огромной волной и заполняет водой так, что голова готова разорваться в любую минуту. Падаю на колени. Стоит только не противиться напору, выпустить воду наружу, как она сметёт этот мир. И я вижу...

Вода вливается сквозь открывшийся портал, разрушая мангровый город. Она ломает цветы, и белые лепестки мечутся с волны на волну. В солёных водоворотах исчезают толстые жабы. Погибают, пытаясь спастись, быстрые квакши, раздавленные напором воды.

Нет! Назад! Я не могу! Это неправда!

Я не могу погубить чей-то мир. Даже спасая собственный. Не имею права.

Нет больше сил сдерживать воду, и она уходит вместе с болью там, где-то далеко, на моей Земле. Я покидаю сон с его счастливыми, оставшимися жить обитателями.

* * *

Открываю глаза и чувствую тошноту. После снов-путешествий вечное похмелье.

– Дай чего-нибудь поесть, – говорю я Пингвину.

Его не видно, но я знаю, что плод моего воображения бродит где-то неподалеку. Ага – а вот и он, несёт банку бычков в томате.

– Нет чтобы что-то другое предложить, – бурчу я. – Омаров, например.

Пингвин пожимает плечами, копируя мой жест, и вскрывает банку с помощью консервного ножа. По комнате распространяется ненавистный запах. За разнообразное меню тоже надо Охотнику спасибо сказать. Это в его квартире я нашёл с полсотни таких банок. К потопу он, что ли, готовился? Или просто бычки в томате обожает?

– Ну, поехали, – говорю я и втыкаю вилку в жирные рыбы куски.

А электрических студенистых тварей пусть Пингвин жрёт. Может, они для людей ядовитые. Моя жизнь в данной ситуации очень ценна. Беречь надо Сергея Павловича и лелеять.

Радио опять оживает – это Пингвин ненароком его включил, неуклюже повернувшись.

«Кх-х-х... Экстренное сообщение. В аномальной зоне новый резкий скачок. Уровень воды поднялся на полметра, а стена переместилась на пять километров. По предварительным данным, жертв нет, люди из зоны риска были заблаговременно эвакуированы. Подобный скачок наблюдался неделю назад, когда радиус зоны затопления увеличился сразу на десять километров. Что может остановить наступающую воду? Сегодня у нас в гостях известный физик... Кх-х-х... Его речь вы прослушаете сразу после обращения к народу митрополита... Кх-х-х».

– Эге, – говорю я, – слышал, как уровень поднялся? Так и Бледная Пакость скоро свою добычу получит. Уже недолго осталось, – поднимаюсь я из-за стола, отталкивая наполовину опустевшую консервную банку. – Надо воды набрать. Кажется, ночью шёл дождь?

Пингвин не отвечает. Он разглядывает место, где висели рога, и тяжело вздыхает.

Я достаю из-под стола пустую пластиковую бутылку и выхожу на лестничную площадку. Слева от квартиры Охотника новая дверь китайского производства из тонкого металла: надави пальцем – и прогнётся. Здесь жили Молодожёны. Справа – старая дверь, обшитая ободраным дерматином с торчащими из-под него кусками грязного утеплителя, – за ней обиталище Скряги. Эти квартиры мне не нравятся – недостаточно пропитались жизнью. Молодожёны только въехали, а Скряга не оставил после себя следа, словно и не жил никогда.

Гремя металлическими ступенями, поднимаюсь на чердак. Оттуда – на крышу. Так я гораздо ближе к небу с белыми облаками. Чувствую, что скоро придётся сюда переселиться, если уровень воды поднимется ещё выше. На широкой крыше в тени кирпичной вытяжки стоит ванна, куда собирается питьевая вода во время дождя. Разгоняю плавающих личинок комаров – «чёртиков», наполняю бутылку и подхожу к низкому ограждению на краю крыши.

Слышу: «Бум-бум-бум». О! Пингвин топает. Соскучился.

– И-и-и, – появляется в чердачном люке его чёрная физиономия.

– Заходи, – говорю, – гостем будешь. Полюбуйся живописными видами. Хотя кругом одно и то же, как ты понимаешь. Суши не видно.

Пингвин хмурится. Вспоминает, наверное, тот день, когда сюда попал.

Страшные тогда были волны! Похлеще цунами. Вода, появившаяся из портала посреди города, неслась стремительными потоками, сметая всё на своем пути. Как я спасся? Не знаю. Плыл, хватался за плывущую мебель, выныривал, падал в воду и снова плыл. Видел ли я портал? Нет, наверное. Не до того было. Достаточно, что я его чувствовал. Я ведь сам такие открывать умею.

Но страшным был не только напор воды. Вместе с потоками сквозь портал прошли чужие существа.

Пингвина я встретил, когда до этой девятиэтажки доплыл. Как сейчас помню, открывается навстречу дверь, и появляется чёрное существо с меня ростом, улыбаясь зубастым клювом. Хорошо, что я тогда ещё Бенелли не нашёл.

– И-и, – вдруг, непривычно волнуясь, говорит Пингвин. – И-и.

В небо показывает. Смотрю – вдалеке вертолёт небольшой летает. Как я его стрекот не услышал? Задумался, наверное. Не уgomонились ещё, выходит, эвакуаторы. Или... У меня возникло нехорошее предчувствие. Неужели ищут меня? Ну, кажется, манией преследования я ещё не страдал.

– Пойдём, – говорю Пингвину, – нам ведь не надо быть спасёнными.

– И-и-и, – соглашается Пингвин.

Прежде чем нырнуть в темноту чердака, оглядываюсь. Не нравится мне этот вертолёт. Очень не нравится. Как бы нас не заметили.

Почему я вновь чувствую приближающуюся боль? Как быстро. Совсем же недавно в сон погружался.

– Помоги, – падаю я на скользкую пингвиную спину. Пингвин подхватывает меня сильными руками.

Я вижу, как внизу перемещаются по железным ступеням его красные гусиные ноги – шлёп-бум, шлёп-бум. Боль накатывает в такт шагам и пульсирует в висках острыми иглами. Я проваливаюсь в спасительный сон прямо на холодной пингвиной спине.

* * *

Редкие снежинки медленно опускаются на пожелтевшую траву. Ветер тербит травинки и гонит по полю сухие коробочки с семенами. В вышине плывут свинцовые тучи, едва не задевая шпили башен, соединяющих землю и небо. Башни испещрены отверстиями-выходами. Крылатые создания, словно летучие мыши, носятся туда-сюда, изображая хаотичное движение.

Устало опускаюсь на промёрзшую землю.

– Не повезло, – говорю невидимому Пингвину.

– Не повезло, – соглашается Пингвин.

Летучие мыши одеты в пёстрые одежды. Они живут, рожают детей, создают предметы искусства и, наверное, пишут книги. Во всяком случае, они разумны – с этим фактом трудно поспорить.

Стоит мне захотеть, и вода ворвётся сквозь открытый портал, повалит башни, крылатые создания будут, жалобно крича, носиться над бурными потоками, чтобы в конце концов свалиться от усталости в воду, смилившись с гибелью собственного мира.

Я кто – бог или дьявол? Какова цена спасения моей Земли?

– А твой мир какой? – спрашиваю я у Пингвина. – На что он похож?

– Он – красивый, – тихо отвечает Пингвин.

– Ну что ж, – говорю я, – пора просыпаться. Пойдём.

Иду по холодному полю, давя воображаемыми подошвами хрупающие твердые снежинки. С каждым шагом чувствую, как вода в моём городе продвигается всё дальше, а я не имею сил её сдержать. Но открыть портал и выпустить воду в мир высоких башен я тоже не могу.

Позади радостно пищат летуны, не подозревая, что были на краю гибели.

Откуда-то издалека, может быть, совсем из другого мира, сквозь появившуюся боль доносятся стрекотание летающего механического чудовища.

* * *

Открываю глаза и вижу перед собой человеческое лицо в чёрных очках. Всё-таки заметили нас гости-с-вертолета. Двигателя не слышно, неужели сумели сесть на крыше?

– Здравствуй, агент Смит, – говорю я.

– Какой я вам Смит? – удивляется мой новый гость.

Из-за его спины появляется второй человек, похожий на первого, как родной брат. Оба в строгих деловых костюмах. От плотных фигур веет непоколебимой уверенностью людей, никогда не сомневающих в правильности своего выбора.

– Вы – Григорьев Сергей Павлович? – задаёт вопрос Второй.

– А вы – Джеймс Бонд? – спрашиваю я в ответ.

– Не совсем. Скажем так, работаем в схожем ведомстве, – с улыбкой отвечает Первый.

Он снимает очки, дышит на стекла и протирает их носовым платком. Его голубые глаза кажутся немного растерянными.

Гости выглядят довольными, как слоны после купания.

– Уважаемые довольные слоны, – говорю я, – что ж вы вырядились киношными героями? Вы же должны быть в толпе серыми и неприметными.

– По-разному, – говорит Первый, пряча очки в нагрудный карман. – Да и толпы тут нет. Но вы не ответили на наш вопрос. Хотя не надо. Не считая появившейся седины, вы очень похожи на свои фотографии. Ну, здравствуйте, Сергей Павлович.

– Привет, – пожимаю его крепкую жилистую руку. – Вы Пингвина не видели?

– Кого? – удивляется Второй.

– Пингвина. Такой, знаете ли, чёрный, почти с меня ростом, с белой манишкой и клювом, – я показываю, какой длины клюв у моего воображаемого Друга.

– Нет, не видели, – пожимает плечами Первый.

– Так я и думал, – расстраиваюсь я.

– Собирайтесь, поднимаемся к вертолёту, – говорит Второй.

– Зачем? – спрашиваю я. – Мне и здесь неплохо. Спокойно, не мешает никто. Морской воздух для здоровья очень полезен. Могу бычками в томате угостить – у меня их много. А как вы вертолёт сумели на крышу посадить, лопасти антеннами не повредили, случайно?

Бенелли лежит далеко – не достать. Да и не смогу я с новоявленными суперменами из спецслужб в скорости соревноваться.

– У нас приказ, – говорит Первый, – найти Григорьева Эс Пэ и доставить в Управление. Но у меня к вам ещё и личный вопрос, – его глаза больше не кажутся растерянными, они словно две ледышки. – Зачем вы активировали Систему?

– Систему? – удивляюсь я. – Какую Систему?

– Не корчите из себя дурачка, – говорит Второй.

– Почему обязательно корчу? – возмущаюсь я. – Я ж до лаборатории в психушке находился. Мне, так сказать, по службе положено корчить этого самого, вашего. Или по призванию.

– Урод! – приближает ко мне лицо Второй. «Сам урод, – думаю я, – хоть бы очки снял – глаз не видно. Трудно так с человеком разговаривать». – Ты активировал Систему, разработанную в Четвёртой лаборатории, и открыл портал в другой мир, откуда хлынула вода. Ты, сволочь, вызвал новый потоп! Отвечай, как отключить Систему? Где она теперь? Почему ещё работает, если лаборатория разрушена?

– Коля, перестань, – останавливает его Первый. – Ты не знаешь всей информации. Ведь наш уважаемый Сергей Павлович и есть Система.

– Разрешите представиться, – говорю я. – Система. Очень приятно.

Такое прозвище мне дали в Четвёртой лаборатории, куда меня вытащили из городского психоневрологического диспансера, где я лежал с диагнозом «шизофрения». У пациента Григорьева Сергея Павловича наблюдались устойчивые бредовые идеи. Ему казалось, что во снах он попадает в другие миры, и часто он, то есть я, не мог отличить сон от реальности.

Четвёртая лаборатория занималась исследованиями парапсихологических способностей человека. Меня многому там научили.

– Ладно, – быстро приходит в себя Коля, который Второй. – Мне не интересно, как ты там это делаешь – пальцами щёлкаешь или копытами стучишь, распространяя серную вонь. В

Управлении разберутся. Я спрашиваю: зачем? Зачем ты решил погубить наш мир? Моя сестра умерла во время потопа, мразь!

– Дело в том, что я не открывал портал, – говорю я, раздумывая, куда же это Пингвин подевался. Наверное, сквозь дыру в стене отправился в квартиру к Молодожёнам.

– А тогда кто?

– Не знаю. Кто-то извне. Из другого мира. Может быть, наши эксперименты ослабили связи, и этот кто-то воспользовался слабостью, чтобы слить лишнюю воду? Или же он просто искал воду для своего мира?

– Не верю! – кипятится Второй.

– Коля, подожди, – говорит Первый. – Если ты утверждаешь, – обращается он ко мне, – что портал открыт не тобой, так закрой его!

– Я многое теперь могу! – отвечаю я. – Могу открывать порталы. Могу заглядывать во сне в другие миры. Могу сдерживать воду. Вот так, – сжимаю пальцы в кулак. – Но не могу закрыть чужой портал, точно так же, как вы не можете его разрушить. Он не материален. Это только незримый проход.

– Тогда открой новый портал, – спокойно говорит Первый. – Пускай вода уйдёт в другой мир.

– Там жизнь! Разум! Я ищу пустышку в каждом сне. Я продираюсь сквозь миры, но не могу их погубить.

Устало опускаюсь на кровать. Сквозь дыру в стене появляется голова Пингвина.

– Ну ни хр... Кто это?! – кричит Первый.

Второй выхватывает пистолет. Пингвин прячется.

– О! Вы тоже его видите? – радуюсь я. – Понятия не имею, кто это. Но откликается на Пингвина.

Второй делает два шага к пробитой стене.

– Отставить, – командует Первый. – Чёрт с ним. Тут полно подобной гадости завелось. Берем Систему и на крышу.

Он протягивает ко мне руки.

– Я не могу! – пытаюсь отползти от него подальше. – Вы не поняли. Если я отсюда уйду, то не смогу контролировать воду. Я же её держу! Вот! Вот! – я свёл ладони вместе. – Вы меня заберёте – и всё погибнет! Поверьте! Я должен остаться здесь!

Вижу, что Первый колеблется.

– У нас приказ, – холодно говорит он. – Что я думаю – не имеет значения. Нам надо доставить тебя в Управление. Пошли. Там разберутся.

Обречённо встаю. Не спастись. Всё было напрасно.

– Дайте мне хотя бы забрать лабораторные записи. Они там – у Старушки.

– Где-где? – поднимает брови Первый.

– В квартире под нами. Я мигом.

– Пошли, Николай, – указывает на дверь Первый. – Проведём Сергея Павловича.

Мы следуем друг за другом – впереди Первый, в середине – обречённый пленник, замыкает строй Второй, который так и не снял тёмные очки. Проходим мимо разводов на стенах – радости психоаналитика. Я бы ему сейчас рассказал, что вот это пятно похоже на Первого, а вот это напоминает Второго. Третье раскрывает зубастую пасть. Уровень воды поднялся. Интересно, где сейчас рубеж, за который нельзя заходить?

Пингвин появляется из квартиры Молодоженов, когда мы уже спускаемся по лестнице. Он поднимает руки, в которых зажата электрическая железа подводной твари. Солёная вода сбегает по чёрным пальцам моего друга и капает на бетонный пол.

Второй оборачивается и выхватывает пистолет. Пингвин сдавливая ладони.

– И-и-и-и!

В темноте лестничных пролетов электрическая вспышка кажется ослепительно яркой. Второй валится на ступени. Черные очки оплавленным комком летят в воду. Первый толкает меня в сторону, вытягивает руку с пистолетом и делает шаг ниже по лестнице.

Выстрел!

Но шаг сделан. Вот она – граница охотничьих угодий Бледной Пакости. Я никогда не мог увидеть момент нападения. Лишь в воздухе остаётся водяная пыль, сейчас обильно прикрашенная красным цветом. Первый не успел даже вскрикнуть.

– Пингвин! – я бросаюсь к своему другу, лежащему на лестничной площадке.

Его остекленевшие глаза смотрят в потолок. На груди, там, где у человека должно быть сердце, рана от пистолетной пули. Противно пахнет горелой плотью. После вспышки режет глаза, и на них наворачиваются слезы.

* * *

Я сижу посреди пустой крыши, как мальчишка качаясь на двух ножках стула. Где-то на подступах к чердаку плещется вода. Электрические твари прут напролом, чувствуя близкую добычу. В Бенелли осталось всего четыре заряда. Корабль идёт ко дну, но его капитан все ещё твердо стоит на палубе, раскачиваясь вместе с ней.

Вверх – вниз.

Вверх – вниз.

Четыре заряда – это же ещё очень много. Продержимся. Главное, чтобы твари не подобралась во время сна, который больше некому охранять. Я положил мёртвого Пингвина в кабину вертолёта и, сумев с четвертой попытки завести двигатель, опрокинул вниз. Теперь мне больше не с кем говорить в своих снах.

Боль. Она приходит всё чаще раз за разом. Вот и сейчас она хватает виски, и я проваливаюсь в очередной мир.

* * *

Растрескавшаяся земля, сухая пыль под ногами. Я стою на краю пропасти и вижу перед собой дно высохшего океана, в котором нет ни капли воды. Рядом лежит на боку остов давно погибшего парусного корабля. Его мачты сломаны. По трухлявому днищу, вяло перебирая лапками, ползёт сонный краб.

Ещё дальше на древнем берегу – чёрная фигура с длинным клювом.

– Пингвин!

Я бросаюсь к Пингвину и останавливаюсь. Это не он. Просто очень похож. Пингвин смотрит сквозь меня в сухую бесконечность. Он не может меня видеть. Меня здесь нет. Я там, в кресле, раскачиваюсь и держу Бенелли с четырьмя последними патронами. А здесь я – только плод собственного воображения.

Вон сидит ещё один Пингвин. Ещё и ещё. Они смотрят и ждут, словно высохшие древние мумии. Они не знают, что их посланник больше никогда не вернётся и не приведёт с собой воду.

Я ничего не обещал тебе, Пингвин. Но я сдержу слово, которое никогда не давал.

Мне не надо щёлкать пальцами или стучать копытами. Всё происходит совсем не так. Я – Система. И я умею открывать порталы. Это моя работа. Это то, чему меня обучили в лаборатории. Я зажмуриваюсь прямо здесь, во сне, и чувствую бурлящий поток воды, проходящий меж пальцев. Вода устремляется сквозь новый проход из другого мира, в котором одинокая спящая фигура раскачивается на стуле.

Вверх-вниз.

Вверх-вниз.

И сейчас сухая земля тоже качается под ногами. Наверное, я просто устал. Я опускаюсь на колени, открываю глаза и вижу, как на землю падает первая капля. А потом слышу рёв океана, наполняющего холодной солёной водой мёртвую впадину.

– И-и-и. И-и-и, – кричат прыгающие от счастья Пингвины.

– И-и-и!

А где-то совсем в другом мире другой человек, который тоже я, уже проснулся. Он стоит на краю крыши, смотрит на стремительно понижающийся уровень воды. И нельзя понять – плачет он или смеётся от радости.

Маятник аварийного хода

Джейт размеренно шагал по Бонд-стрит, толкая впереди себя тачку, и металлический звук его тяжёлых шагов гулким эхом метался между пустых домов.

Колёса тачки подскакивали на булыжниках мостовой так, что сложенные внутрь образцы грозили вывалиться на землю. Но Джейт внимательно следил за тем, чтобы драгоценная поклажа не упала и не получила повреждений – найти пригодный для опытов материал изо дня в день становилось всё труднее.

В последний раз человеческие тела в хорошей кондиции Джейт отыскал две недели назад. Это на первых порах образцы можно было собрать, просто выйдя на улицу. Но чем больше проходило времени, тем больше тлела и сгнивала плоть, и тем меньше оставалось хороших материалов.

Сегодня Джейту повезло – в одном из домов он нашёл холодный подвал, внутри которого обнаружилось четыре прекрасно сохранившихся из-за низкой температуры тела. Джейт погрузил на тележку всех четверых. Два образца были взрослыми и разнополыми. Третий образец оказался миниатюрным; не так давно Джейт узнал от старого автомата Аруана, что миниатюрные образцы называются детьми, и что именно из детей со временем получались Люди. А четвёртый образец был очень необычным – безволосый и с чёрным кожным покровом. Джейт полагал, что Андроидов эта находка сильно заинтересует. До сих пор их опыты по восстановлению человечества не привели к желаемым результатам; возможно, если они возьмут этот необычный, чёрный образец, у них наконец-то что-то получится.

На перекрёстке Бонд-стрит и Чепел-авеню лежал перевернутый паробус, врезавшийся в столб уличного газового фонаря. Джейт обогнул его – и резко остановился, увидев витрину на первом этаже красного кирпичного здания. За стеклом стояли... Люди!

Буквально сразу же после этого открытия несколько датчиков Джейта зафиксировали, что из грудного отсека, там, где находится центральная двигательная установка, доносятся необычные звуки, среди которых особо выделялось мерное «тук-тук». Повозившись с латунными заклёпками, Джейт открыл свою грудную пластину и заглянул внутрь. По непонятной причине шестерёнки его двигательной установки крутились с повышенной скоростью, словно от высокой нагрузки, а встроенный маятник аварийного хода вдруг начал раскачиваться сам собой, хотя Джейт его не запускал. Именно из-за маятника и слышалось это мерное «тук-тук».

Джейт засунул внутрь манипулятор и остановил маятник. Его полагалось запускать только в случае экстренных ситуаций, когда энергии почти не оставалось. Сейчас такой необходимости не было.

В другой день Джейт, несомненно, задался бы вопросом, почему вдруг маятник аварийного хода пошёл сам собой, но сегодня странные изменения в его двигательной установке повлияли на мыслительные процессы – те потеряли свою чёткость и последовательность, смешались и заиклились.

«Люди! Настоящие Люди!» – вновь и вновь возникала в его логос-аппарате одна и та же мысль.

Уже почти три месяца прошло с тех пор, как закончился солнечный шторм, и была запущена программа Восстановления. Три месяца Джейт вместе с другими автоматами искали органические образцы, из которых можно было бы, как завещали Люди, воссоздать погибшее человечество. Три месяца Андроиды проводили одни опыты за другими, пытаясь сконструировать из полученных материалов Людей. Они сшивали разные части тел, они пропускали через них электрический ток и воздействовали магнитами. Лежащие на холодных металлических столах безвольные экземпляры очень походили на людей! И всё же каждому опыту, кото-

рый проводили Андроиды, не хватало какой-то малости, чтобы превратить очередной экземпляр в настоящего, живого Человека.

А сейчас Джейт нашёл уже живых Людей!

Автоматон опустил ручки тачки на землю и сделал несколько шагов к витрине, за которой стояли и смотрели прямо на него два Человека в блестящих ярких нарядах. Под ногами у них лежали таблички с надписями.

«Людовик» – прочитал Джейт первое слово и замялся, увидев следующее за ним загадочное «XIV». В его логос-аппарат был заложен весь алфавит, так что прочитать Джейт мог что угодно. Но словарный запас был ограничен, и потому некоторые встречающиеся автомату слова он не понимал.

«Людовик Икс-Ай-Ви», – прочитал Джейт по буквам первую надпись и перешёл ко второй. «Маркиза де Монтеспан».

«Вероятно, это их имена», – пришёл к выводу Джейт – и только сейчас заметил большую вывеску над витриной.

«Выставка восковых фигур» – прочитал он, и логос-аппарат загудел от напряжения. Слово «восковой» ему было не знакомо, а словосочетание «выставка фигур» казалось нелогичным – зачем выставлять круги, квадраты и треугольники?

Впрочем, выставка кругов и квадратов его сейчас не интересовала; всё внимание Джейта было сосредоточено только на Людах. Войдя в помещение, он сразу же подошёл к витрине и обратился точно по инструкции общения с Людьми, которую разработали Андроиды для того дня, когда они восстановят человечество.

– Приветствую вас, Людовик Икс-Ай-Ви и Маркиза де Монтеспан. Автоматон G8 готов выполнить ваши указания.

Люди не только не ответили, но и вообще никак не отреагировали на его слова.

Несколько минут Джейт терпеливо стоял на месте. Инструкция предусматривала лишь один вариант – Люди в ответ информировали автоматона о том, что он должен для них сделать.

«Они не станут мне отвечать», – понял Джейт и стал продумывать следующий шаг. Автоматон был уверен, что настоящие Люди смогут помочь Андроидам в воссоздании человечества, а, значит, необходимо, чтобы они встретились. Андроиды прибыть сюда не смогут. Следовательно, нужно попросить Людей прийти к Андроидам. Только вот можно ли просить Людей, существ высших и совершенных, об одолжении, в инструкции не говорилось...

– Людовик Икс-Ай-Ви и Маркиза де Монтеспан, – решился Джейт на непредусмотренный инструкцией шаг. – Могу я проводить вас в центр Восстановления?

Люди снова не ответили.

Очень осторожно Джейт прикоснулся к Людовику Икс-Ай-Ви. Тот не реагировал.

– Если вы не против, я отвезу вас в центр Восстановления, – сообщил он, аккуратно приподнял Людовика и Маркизу и вынес их на улицу, отметив, что по весу они гораздо легче человеческих образцов, которые он находил прежде. Вот оно, ещё одно отличие настоящих Людей от тех, которые получают в лабораториях Андроидов!

Ни улице Джейт замялся. В тачке не было места для двух Людей. Да даже если бы и было, везти высшие существа вместе с неживыми образцами не подходило.

Джейт рассмотрел варианты. Для перевозки всего сразу можно воспользоваться лежащим на перекрёстке паробусом. Но его паровой котёл наверняка пуст, да и двигатель от столкновения со столбом газового фонаря, вероятно, находится в нерабочем состоянии.

Логос-аппарат тихо гудел, Джейт думал. Он хорошо знал соседний сектор города. Через три улицы отсюда находился рельсоход, можно было бы воспользоваться им. Но и с рельсоходом та же проблема, что и с паробусом – паровой котёл наверняка пуст. В пяти кварталах, на небольшой площади Грейсон-ярда на земле лежит дирижабль. Но в логос-аппарате Джейта не было инструкции о том, как управлять дирижаблем. Впрочем, он мог бы и поэксперименти-

ровать – но не с Людьми на борту; он не мог подвергать Людовика с Маркизой, долгожданных настоящих Людей, такому риску...

Издалека донёлся звон часов с Тауэра, отбивавших шесть вечера. В центр Восстановления полагалось возвращаться к семи. Надо срочно найти решение!

Наконец, Джейт вспомнил, что видел неподалёку стоящее в переулке ландо. Он мог бы погрузить в него и Людей, и образцы, а самому выступить в этой конструкции тягловой силой, заменив животных, которых использовали Люди.

Так Джейт и поступил. Устроил Людовика с Маркизой на мягких сидениях, четыре человеческих тела сложил на пол коляски – и покатил её в центр Восстановления.

В другой день Джейт задумался бы, хватит ли ему энергии – ведь из-за того, что приходится везти тяжёлое ландо, уровень её расхода резко повышается. Но не сегодня. В грудном отсеке Джейта по-прежнему бешено крутились шестерёнки центральной двигательной установки, и снова сам собой пошёл маятник аварийного хода, стуча тихим «тук-тук». А мыслительный процесс логос-аппарата всё ещё оставался путаным, и в него то и дело вклинивалась мысль: «Люди! Настоящие Люди!»

* * *

– Это не люди, – резюмировал Эдвард. – Это восковые фигуры людей.

Автоматон-поисковик с полустёртой надписью G8 на медной грудной пластине не отреагировал, и Эдварду стало ясно, что тот не понял сказанного.

– Это копии людей, – пояснил андроид. И, поскольку не знал, каков словарный запас у автомата G8, продолжил: – Это их изображение. Слепок. Статуя, сделанная из особого материала, который называется «воск».

В наступившей в лаборатории тишине датчики Эдварда уловили гудение логос-аппарата автомата – и ещё необычный, мерный постукивающий звук.

– Они выглядят как настоящие Люди, – сказал, наконец, Джейт.

В голосе автомата датчики Эдварда уловили необычные ноты, но андроид не смог определить, что это такое.

«Надо отправить его на проверку механикам, – сделал себе мысленную пометку Эдвард. – Пусть посмотрят, нет ли нарушений в его логос-аппарате, и, если необходимо, проведут замену».

Случившийся три месяца назад солнечный шторм не только уничтожил всё живое на планете – из-за него сгорели, полностью или частично, логос-аппараты многих автоматов. Придя в себя после вынужденной перезагрузки, Эдвард обнаружил, что находящиеся рядом автоматы ведут себя неадекватно. Одни не двигались вообще, другие двигались хаотично и бессмысленно, третьи не реагировали на приказы, четвёртые не могли их выполнить... На замену даже части повреждённых логос-аппаратов потребовалось много дней. И даже сейчас последствия солнечного шторма давали о себе знать, и то один, то другой автомат давал сбой.

Впрочем, в настоящее время в распоряжении Эдварда уже было достаточно автоматов, чтобы заняться спасением человечества – тем, ради чего его создали люди. Однако на пути к достижению этой цели перед андроидом стоял целый ряд существенных проблем. И главная из них заключалась в том, что солнечный шторм повредил не только логос-аппараты автоматов – он причинил вред и его собственному анализатору, в результате чего Эдвард лишился доступа к части заложенной в него памяти. Эти пробелы были серьёзными – даже на основании оставшейся у него информации андроид не смог полностью восстановить инструкции людей.

Тем не менее, тщательно изучив сохранившиеся у него данные, Эдвард сделал несколько выводов.

Во-первых, люди изобрели автоматов примерно в то же время, что и пишущие машинки. То есть гораздо раньше андроидов. Автоматы были простыми механизмами с примитивными логос-аппаратами. Андроидов создали позже, их анализаторы совместили в себе черты разностных аппаратов Беббиджа и Шутца и вычислительной машины Теслы и оказались настолько приближены к человеческому мозгу, что люди даже назвали новые механизмы Андроидами, то есть «подобиями человека». И, в отличие от автоматов, которым присваивали просто буквенно-цифровые названия, андроидам дали человеческие имена. Следовательно, антроиды по шкале разумности – почти люди, а, значит, ниже стоящие по шкале разумности автоматы должны им подчиняться.

Во-вторых, раз автоматы должны подчиняться андроидам, то они, антроиды, должны ими управлять и отдавать им приказы.

В-третьих, люди завещали андроидам спасти человечество. Такой вывод Эдвард сделал на основании двух оставшихся в памяти его анализатора обрывочных строк из инструкции: «Принять необходимые меры для сохранения и восстановления человечества» и «В случае непредвиденной ситуации запустить». Остальной текст инструкции стёрся.

Антроид не мог не отметить неудачное стечение обстоятельств – в него было заложено немало других сведений и знаний из самых разных областей и наук, но наибольший урон солнечный шторм нанёс именно тому кристаллу, в котором находились пошаговые инструкции!

Однако выход из ситуации нашёлся. Анализатор Эдварда сохранил информацию о том, что, кроме него, люди построили ещё двух андроидов, один из которых находился в Бирмингеме, а другой – в Эдинбурге. С большой долей вероятности их анализаторы тоже пострадали после солнечного шторма, но если они свяжутся и сопоставят сохранившуюся у каждого информацию, то, возможно, смогут воссоздать полный текст инструкции.

С помощью автоматов, восстановивших несколько линий телеграфа и пневмопочты, Эдвард связался с двумя другими андроидом, Джорджем и Уильямом. Сопоставив имеющиеся у них остатки данных, они получили много полезной информации, однако заветная инструкция так и осталась удручающе неполной.

И тогда трое андроидов провели совет, на котором рассудили так: если их анализаторы подобны мозгу человека, и Люди создали их по своему подобию, это значит, что мыслят они, антроиды, как Люди. Следовательно, вести себя в сложившейся ситуации им следует как Людям. А именно – собрать имеющуюся у них информацию и с помощью логического мышления самим заполнить пробелы.

Из инструкций у трех андроидов остались фразы: «солнечный шторм грозит уничтожением всего живого», «отобрать образцы, чтобы заново заселить планету», «является частью Лунного щита» и две строки из памяти Эдварда – «принять все необходимые меры для сохранения и восстановления человечества» и «в случае непредвиденной ситуации запустить». На основании этого антроиды решили, что их задача – восстановить человечество из имеющихся образцов с помощью заложенных в них знаний из самых разных областей наук.

Единственным не укладывающимся в логичную схему моментом остался «Лунный щит». У Уильяма в памяти сохранилась статья из газеты «Ллойд Лист». В ней рассказывалось о планах людей построить ракетную летательную машину и отправить в ней людей на Луну, чтобы они могли спастись от солнечного шторма.

Никакой дополнительной информации на эту тему в анализаторах других андроидов не нашлось, и они решили рассудить как люди – скорее всего, ракетная летательная машина на Луну была одним из рассматриваемых, но так и не реализованных вариантов спасения человечества. Значит, её не следовало брать в расчёт.

«Что бы сделали в этой ситуации Люди» стало главным критерием для всех дальнейших решений. Окончательно уяснив для себя курс действий, антроиды полностью сосредоточились на нём. Каждый день автоматы трёх городов выходили на улицы собирать образцы – тела

погибших людей. Андроиды же принялись за эксперименты. Вначале они пытались оживить целые тела. Затем пытались сшивать останки разных тел в различных сочетаниях и воздействовать на них самыми разными механизмами и процессами; в какой-то момент они даже начали комбинировать органические и неорганические ткани, например, приделывать к человеческому туловищу механическую конечность – но пока успехов не достигли.

Именно поэтому находка Джейта так заинтересовала Эдварда – человека с чёрным кожным покровом он ещё не видел.

В анализаторе андроида возникло сразу несколько вариантов эксперимента. Сначала попробовать оживить тело целиком. Затем, если ничего не получится, скомбинировать чёрное туловище с белыми конечностями. Или наоборот – белое туловище и чёрные конечности? Какие конечности выбрать? Ноги или руки? Или одну ногу и одну руку? Стоит ли посоветоваться с Уильямом и Джорджем?

От обилия вариантов анализатор Эдварда тихо загудел, и он коротко приказал одному из автоматов-охранников:

– Мне нужно охлаждение.

Стоявший рядом автоматон поднял лежащий наготове огромный веер из медной сетки и принялся обмахивать громоздкую, всю в многочисленных медных ручках, латунных рычагах и серебристых клапанах машину, которую представлял собой андроид. Хоть его анализатор и был подобен человеческому мозгу, внешне на Людей андроид никак не походил; внешне на Людей куда больше походили автоматоны.

– А G8 отвезти механикам на проверку, – приказал Эдвард и сосредоточил своё внимание на редком чёрном образце.

* * *

Механики были неотъемлемой частью существования автоматов. Механики не только подкручивали заводные устройства, обеспечивая автоматов энергией – они ещё и определяли неисправности и устраняли их. Без механиков средняя длительность полезного функционирования автомата была бы намного короче.

Джейт не пропускал ни одного визита и не никогда не думал, что механики могут не только чинить. Но однажды он стал невольным свидетелем сцены, когда охранники привели одного автомата-поисковика к механикам силой. Тот пытался вырваться, но охранники держали его крепко. Джейт подумал, что у автомата, вероятно, пришёл в негодность логос-аппарат, из-за чего он и ведёт себя неадекватно. Такое случалось. Неприятная поломка, потому что она требовала замены логос-аппарата, и весь накопленный опыт и вся память терялись вместе со старым.

– Послушайте, – повторял автоматон-поисковик, пытаясь вырваться из захвата охранников, – Послушайте меня! Мне не надо менять логос-аппарат! Он не был повреждён, и у меня сохранилась память со времени ещё до солнечного шторма! Программа Восстановления, которую запустили Андроиды, ошибочна! Люди оставили нам совсем другие приказы! Мы должны отправить вторую ракету на Луну!

Пока охранники пытались силой уложить автомата на ремонтный стол, сгрудившиеся рядом механики готовили зажимы, чтобы обездвигить взбесившийся механизм. Но тот так яростно сопротивлялся, что в конце концов один из охранников, нажав на медный клапан, открыл часть лицевых пластин и направил на автомата пронзительно яркий луч. Тот прошёл сквозь корпус бунтаря, разрезав того пополам. Механики уложили верхнюю часть туловища на стол, вскрыли головной отсек, достали логос-аппарат и бросили его в ёмкость с кислотой.

С той поры каждый раз, когда Джейт собирался к автоматам-механикам, он отмечал, что двигательное устройство в его грудной клетке начинало барахлить – то замирало, то при-

нималось работать с удвоенной силой, а логос-аппарат раз за разом прокручивал сцену с уничтожением автомата.

И потому сегодня, когда Андроид приказал ему пройти внеплановую проверку, Джейт немедленно почувствовал характерные изменения работы в двигательном устройстве. А когда с двух сторон возникли автоматы-охранники, логос-аппарат живо выдал воспоминание о ярком луче, и двигательное устройство Джейта немедленно ответило сбоем в работе.

«А если механики спросят про Аруана? – подумал Джейт. – Если спросят, выдам ложную информацию», – решил он. Вариант развития событий с потерей своего логос-аппарата, а вместе с ним – накопленных воспоминаний и словарного запаса, Джейта категорически не устраивал.

Аруан был изношенным автоматом, прятвшимся в парке застывших каруселей. Джейт встретил его случайно и сразу понял, что Аруан – одна из первых моделей автоматов, R1 – громоздкий и неуклюжий, потёртый, поцарапанный, с вмятинами на медном покрове и с обилием блестящих заклёпок, клапанов, сжатых пружин, ручек и рычагов, которыми Люди снабдили его просто для красоты. Его логос-аппарат состоял из самых примитивных устройств, и, видимо, именно поэтому солнечный шторм, повредив более сложные устройства, столь простому механизму не причинил никакого вреда.

И, тем не менее, как ни примитивно было устройство логос-аппарата старого автомата, за время длительного функционирования оно накопило много полезной информации и обширный словарный запас, которыми Аруан делился с Джейтом в обмен на то, что тот периодически его заводит и сохраняет в тайне факт его существования от Андроидов.

Джейт рассказал Аруану об инциденте с механиками и охранниками, и тот ответил:

– Андроиды мыслят как Люди, а Люди всегда не любили несогласных. Если главный Человек принимал решение, он требовал, чтобы все остальные его выполняли, и неважно, правильно оно или нет. Несогласных они уничтожали. Наши Андроиды поступают как Люди.

– Люди уничтожали друг друга? – переспросил тогда Джейт.

– Да, – подтвердил Аруан, вряд ли отдавая себе отчёт в том, что его ответ разрушает все заложенные в Джейта понятия о Людах – ведь те были высшими существами, они создали рельсоходы и паробусы, дирижабли и пароходы, они придумали телеграф и телефон, электрические лампочки и велосипеды. Наконец, они создали их, автоматов, и даже Андроидов! Люди созидали, а не разрушали. Они не стали бы уничтожать друг друга!

Джейт не заметил, что последнюю фразу произнёс вслух, и старый автомат в ответ на неё спросил:

– Если бы они не уничтожали друг друга, то зачем они создали орудия уничтожения?

– Какие орудия?

– Например, автоматов-охранников. И их лучи.

Джейт долго молчал, его логос-аппарат тихо гудел, обрабатывая полученные сведения.

– Люди уничтожали друг друга, – наконец, повторил он, пытаясь уместить эту мысль в чёткую схему давно сложившихся у него понятий. – Но зачем?

– Причин много. Обида, злость, ярость, месть, ревность, жажда власти...

– Что это такое? – не понял Джейт.

– Люди – существа органические. В них проходят химические процессы, которые провоцируют нелогические реакции, называемые эмоциями. Эмоции влияют на поступки. Под влиянием эмоций Люди могут уничтожить друг друга.

Джейт обдумал полученную информацию и сделал следующий логический вывод:

– Андроиды не органические. Значит, у них нет эмоций. Тогда почему они уничтожают автоматов?

– Уничтожать можно не только в порыве эмоций, – пояснил Аруан. – Можно построить такую логическую цепочку, которая обоснует необходимость уничтожения.

– Разве можно логически обосновать уничтожение разумного существа?

– Можно. Андроиды выстроили следующую: люди завещали им сохранить человечество, для чего Андроиды запустили программу Восстановления. Те автоматы, которые говорят, что эта программа ошибочна, мешают великой миссии спасения человечества. Чтобы выполнить завет Людей, помеху следует устранить.

Все эти беседы вызвали странные реакции в логос-аппарате Джейта, запуская мыслительные процессы, которые раньше у автомата просто не возникали.

Джейт подозревал, что эти реакции не проходят бесследно, и что при проверке механики тут же увидят заметные изменения в его логос-аппарате. Однако когда он прибыл на внеплановую проверку, механики не нашли никаких отклонений в функционировании его механизма.

Разобрали, собрали – и отпустили.

«Значит, такие мыслительные процессы мне не вредят, и я могу продолжать думать», – сделал вывод Джейт.

* * *

В последние дни среди автоматов-поисковиков стала распространяться информация о том, что тех из них, кто высказывает несогласие с программой Восстановления, насильно приводят к механикам на принудительное изъятие логос-аппарата, даже если в нём нет никаких поломок.

С одной стороны, информация была непроверенной. С другой стороны, Джейт сам был свидетелем уничтожения автомата, говорившего, что программа Восстановления ошибочна. Не в силах отнести эти данные ни в категорию истинных, ни в категорию ложных, Джейт решил проконсультироваться с Аруаном – ведь логос-аппарат того хранил массу полезных сведений. И однажды, выйдя на свои обычные ежедневные поиски образцов, Джейт вместо прочёсывания отведённого ему сектора города отправился в парк застывших каруселей.

– Программа Восстановления действительно ошибочна, – заявил старый автомат и этим своим заявлением едва не спровоцировал замыкание в логос-аппарате Джейта.

– Она ошибочна? – переспросил Джейт, не в силах обработать эту простую и в то же время такую сложную информацию.

– Да, она ошибочна, – подтвердил Аруан. – Люди действительно велели Андроидам сохранить человечество, но вовсе не такими методами. Чтобы спасти Людей, Андроиды должны были отправить на Луну вторую ракетную летательную машину...

Про вторую ракету Джейт уже слышал – логос-аппарат тут же прокрутил ему сцену с охранниками и ярким лучом, разрезавшим автомата пополам.

– Расскажите, – попросил он.

– Хорошо, – согласился Руан. – Астрологи узнали о приближении солнечного шторма заранее. Они также определили, что шторм будет такой силы, что на Земле от него укрыться не получится, и все люди погибнут. И было решено, что если нельзя спасти всех, то следует хотя бы попытаться спасти человечество. Для этого Люди отобрали нескольких представителей своего вида для отправки на Луну. Они рассчитали, что когда солнечный шторм достигнет Земли, Луна будет находиться с другой стороны планеты, и Земля послужит ей своего рода щитом. А если в этот момент Люди будут находиться на обратной стороне Луны, то и сама Луна станет им ещё одним щитом. Когда же шторм пройдёт, они вернутся на Землю и станут размножаться, чтобы снова заселить планету.

– И они построили ракету для отправки на Луну, – понял Джейт.

– Да, – подтвердил Руан. – На тот момент у Людей уже были разработки Фламариона и Верна о последовательно воспламеняющихся пороховых ракетах, и они принялись спешно воплощать их в жизнь. Но тут возникла другая проблема...

Аруан подобрал с земли камешек и показал Джейту.

– Смотри. Это – ракета. Последовательно воспламеняющиеся секции донесут её до Луны, – старый автоматон бросил камешек, и тот приземлился у ног Джейта. – Но как она вернётся обратно на Землю?

Несколько мгновений Джейт смотрел на лежащий у него в ногах камешек, потом поднял и бросил Аруану.

– Вот так?

– Так, – согласился старый автоматон. – Только камешек мне обратно бросил ты, а с Луны отправить ракетную машину обратно некому. Всё топливо израсходуется по пути на Луну. А вместить в себя и Людей, и достаточно топлива на обратную дорогу ракета не могла. И потому Люди решили построить вторую машину, нагрузить её топливом и запустить вслед за первой. Она прилетела бы на Луну, Люди забрали бы из неё топливо и вернулись бы на Землю.

Аруан замолчал, дав логос-аппарату Джейта время для обработки новых сведений. Джейт долго их сортировал, но в конце концов проиндексировал их как истину – ведь Аруан сохранился со времён ещё до солнечного шторма, он был свидетелем тому, о чём рассказывал, и его логос-аппарат с той поры не меняли. Значит, рассказанные им сведения – это правда. А ещё это значит...

– Люди не успели запустить вторую ракету, – сделал вывод Джейт. – Почему?

Аруан долго молчал. Когда же он снова заговорил, его голосовые динамики как-то странно похрипывали.

– Ракета могла унести совсем немного Людей. Несколько десятков, не больше. В одном только Лондоне проживало пять миллионов. Как решить, кто из этих пяти миллионов полетит на Луну и останется жив?

– Выбрать самых здоровых, – тут же предложил Джейт. – Тех, кто больше всего способен к размножению.

– Правильно, – согласился Аруан. – Идея была именно такая. Но потом несколько очень богатых Людей принесли деньги... Ты знаешь, что такое деньги?

Джейт кивнул. В его логос-аппарате было определение денег как средства платежа за покупки.

– Так вот, за большие деньги они купили себе место в этой ракете, несмотря на то, что вовсе не были наиболее способны к размножению.

– Как они могли купить там место, если оно не продавалось? – не понял Джейт.

– Деньги занимали в жизни Людей особое место. Я не знаю причин и не могу тебе объяснить, почему так произошло. Но факт таков, что за деньги Люди могли купить даже то, что не продаётся. Несколько Людей купили себе место на ракете в обход принятых критериев отбора. А когда об этом стало известно, остальные Люди возмутились. Каждый Человек хотел получить место на этой ракете, и в городе начались беспорядки. Люди собрались в большую толпу и попытались прорваться на взлётное поле, откуда запускалась ракета. Другие Люди, выполнявшие функции, схожие с функциями автоматов-охранников, пытались их остановить. Некоторое время они сдерживали толпу, и первая ракета успела улететь. Но потом толпа прорвалась на взлётное поле и не дала запустить вторую ракету.

– Почему? – зачем-то понизив силу голосовых динамиков, спросил Джейт.

– Люди решили, что если не суждено спастись им, то пусть и те, кто улетел на ракете, тоже погибнут.

– Но это нелогично! Этим самым они обрекли на вымирание всё человечество! – заключил Джейт, ощущая, как снова ускорился ход шестерёнок в его центральном двигателе, а логос-аппарат начал сбивать лишние мыслительные процессы чёткости.

– Люди далеко не всегда действовали логично, – ответил Аруан. – Помнишь, я рассказывал тебе про эмоции? Эмоции заставляли Людей делать совершенно необъяснимые вещи, даже те, которые были во вред им самим.

Логос-аппарату Джейта потребовалось довольно много времени, чтобы обработать полученные от Аруана сведения.

– Если Люди поступают так нелогично, я не понимаю, почему они выжили как вид, – в конце концов заявил автоматон. Чем больше он узнавал о Людах, тем меньше он понимал. И тем меньше оставалось от заложенной в него установки о том, что Люди – это высшие, безупречные существа. – Они должны были давно сами себя уничтожить, – подвёл итог Джейт.

– Они выжили потому, что, несмотря на свои недостатки, Люди способны делать уникальные вещи, – отозвался старый автоматон. – Эмоции подталкивали Людей не только на негативные поступки, но и на позитивные. Именно благодаря нелогичным эмоциям человечество смогло достигнуть таких высот. Например, дирижабль. Если бы Люди всегда действовали логически, то они приняли бы как данность тот факт, что если у них нет крыльев, то летать они не могут. Однако Люди не пожелали с этим смириться. Нелогичное решение. Но именно из-за него Люди изобрели дирижабль.

Логос-аппарат Джейта зашумел так сильно, что автоматон подумал, как бы тот ни сломался от нагрузки. От его идеализированного представления о Людах как о высших и совершенных существах не осталось почти ничего. Однако на смену ему пришло новое заключение. Да, Люди не были идеальными. Они были противоречивыми, нелогичными и представлявшими опасность для самих себя существами. И всё-таки Люди были... особенными.

И они не должны навсегда исчезнуть.

Придя к этому выводу, Джейт предложил курс действий:

– Надо всё немедленно рассказать Андроидам и отправить вторую ракету на Луну, чтобы спасти Людей.

Старый потёртый автоматон издал скрежещущие звуки, из-за которых Джейт решил, что Аруан сломался.

– Я имитирую смех Людей, – пояснил старый автоматон, будто услышав его мысли. – Люди смеялись, чтобы выразить свою радость или своё снисхождение к услышанному.

– Вы выражаете радость или снисхождение?

– Снисхождение. Андрюиды не захотят тебя слушать. Они уже выработали курс действий и не станут с него сворачивать.

– Но если мы докажем им, что они ошибаются...

– Они всё равно не захотят признать свои ошибки, – перебил Джейта старый автоматон. – В этом Андрюиды очень похожи на Людей. Ты сам видел, что Андрюиды сделали с автоматом, который заявил, что процесс Восстановления – это ошибка. И ты сам рассказал мне, что несогласным автоматам насильственно меняют логос-аппараты.

– Но Людей нужно спасать, – повторил Джейт неоспоримый вывод.

– Нужно, – согласился старый автоматон. – Поговорим об этом через неделю.

* * *

Андрюид Эдвард отметил тревожную тенденцию – увеличившееся число автоматов, ставивших под сомнение целесообразность программы Восстановления.

«Как бы поступили в такой ситуации люди?» – задался он вопросом.

Анализатор Эдварда изучил заложенные данные о Людах и об их обществе, и сделал вывод: в аналогичных ситуациях Люди массово избавлялись от всех несогласных.

Приняв полученные сведения, Эдвард быстро выстроил логическую цепочку: андроиды – это высшее достижение человечества, они практически такие же, как люди. Значит, и действовать должны, как люди.

По приказу Эдварда охранники и механики за считанные дни быстро, тихо и незаметно расправились с несогласными автоматами, и высказывания прекратились.

Однако анализатор Эдварда сгенерировал предположение, что наступившая тишина вызвана вовсе не тем, что механики и охранники нашли всех несогласных, а тем, что теперь несогласные автоматы стали молчать. А если и говорили, то лишь среди таких же несогласных. И эта мысль занимала андроида.

«Что бы сделали люди?» – снова спросил себя Эдвард.

Анализатор выдал ответ: для обнаружения скрытого инакомыслия люди использовали слежку и шпионов.

«Следовательно, мне тоже нужны слежка и шпионы», – сделал вывод Эдвард, ни на миг не подвергая сомнению правильность этого решения – ведь андроид поступал так же, как Люди.

* * *

После того, как Джейт принял решение спасти Людей, события стали разворачиваться стремительно.

Прежде всего, неподтверждённая информация о принудительной смене логос-аппаратов автоматам, не согласным с программой Восстановления, подтвердилась. Всего за несколько дней значительное число автоматов лишились своих логос-аппаратов.

Ежевечерняя проверка и заводка у механиков стала для Джейта испытанием. Он не знал, как Андроид вычисляет несогласных и потому постоянно думал о том, как бы не выдать себя ненароком.

В ежедневной работе тоже появились нововведения – по городу стали расхаживать автоматы-охранники, проверяя, на своих ли местах автоматы-поисковики.

И всё же, в ожидании следующей встречи с Аруаном, Джейт проигнорировал предупреждающие напоминания логос-аппарата о том, что по городу ходят охранники, и однажды решил пройти к взлётному полю за окраинными кварталами.

Старый автомат оказался прав: высокая многоступенчатая ракета, нагруженная топливом и полностью готовая к запуску, всё ещё стояла там. Её окружала каменная стена, вдоль которой Джейт увидел множество лежащих на земле образцов. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы привычно отнести их к категории непригодных для опытов. Их тела не только давно начали разрушаться, но к тому же были повреждены и механически – у многих наблюдались отверстия в головах, туловищах и конечностях.

Джейт смотрел на обилие поврежденных образцов вокруг – и его логос-аппарат моделировал рассказ Аруана.

Огромная толпа Людей рвётся к ракете. В воротах стоят Люди-охранники, пытаясь её сдержать. Напор толпы так силён, что охранникам приходится применить оружие. Они уничтожают определённое количество нападавших, но толпа столь велика и столь сильно увлечена нелогичными порывами под названием эмоции, что сносит охранников и, прорвавшись к ракете, уничтожает тех, кто пытается её запустить.

А потом солнечный шторм настигает Землю, и все они гибнут прямо здесь, возле ракеты, которая могла бы дать человечеству второй шанс.

«Второй шанс», – повторил про себя Джейт.

Когда прошла неделя, автомат снова покинул свой маршрут и отправился в парк замерших каруселей, чтобы, как и было условлено, встретиться с Аруаном. А тот выдал ему инфор-

мацию, от которой двигательное устройство Джейта закрутило шестерёнки с удвоенной скоростью.

– Это нужно будет делать уже завтра – или ждать ещё почти месяц. А ещё месяц Люди на Луне могут не пережить.

– Почему именно завтра? – спросил Джейт.

– Я поддерживал связь с автоматами, у которых сохранилась информация про Луну и вторую ракету, – пояснил Аруан. – Логос-аппарат одного содержит специализированные знания по астрономии, физике и математике. Он высчитал, в какой день запуск ракеты позволит ей приземлиться на Луну максимально близко к первой ракете. А приземлиться надо как можно ближе, чтобы Люди смогли перенести топливо с одной ракеты на другую.

– Завтра? – повторил Джейт.

– Завтра, – подтвердил Аруан.

...Когда автоматон вернулся в центр Восстановления из парка замерших каруселей, путь ему преградили охранники.

– Автоматон G8, вы должны немедленно последовать за нами на внеплановую проверку к механикам, – заявил один из них.

Шестерёнки двигательного устройства в груди резко дёрнулись, а мыслительные процессы в логос-аппарате неожиданно ускорились и выдали совершенно неожиданное решение.

– Хорошо. Но мне нужно несколько минут; в двух кварталах отсюда я оставил пару очень хороших образцов, которые могут оказаться полезны для опытов, – сообщил Джейт. – Я доставлю их сюда и сразу же проследую на проверку.

Охранники не стали ему препятствовать.

Джейт шёл медленно, заставляя себя не ускорять шаг, чтобы не вызвать подозрения. Нужно спрятаться в городе так, чтобы его не нашли. А утром он незаметно пройдёт к ракете и запустит её. Главное, чтобы у него хватило на это энергии, ведь его заводили почти сутки назад.

Автоматон спрятался в хорошо известном ему секторе города, в одном из многоэтажных зданий с множеством отдельных комнат. Стоя у окна, Джейт незаметно наблюдал за охранниками, которые бродили по округе, тщетно пытаясь его отыскать. А когда те, наконец, удалились, Джейт перешёл в режим экономного расходования энергии и стал ждать утра.

Когда ночь закончилась, и из-за горизонта показался край солнца, Джейт услышал доносящийся с улицы шум. Выглянул в окно и увидел, как двое автоматов-охранников силой ведут в центр Восстановления третьего. На улице было ещё довольно темно; Джейт по максимум настроил свои окуляры и разглядел, что пойманный автоматон выглядит старым и потёртым, что корпус изобилует вмятинами и многочисленными клапанами, рукоятками и рычагами... Логос-аппарату потребовалось несколько секунд, чтобы сложить полученные данные и сделать вывод: охранники вели в центр Восстановления Аруана!

Джейт поднялся на ноги, прежде чем понял, что логос-аппарат ещё не предложил ему никакого алгоритма действий. Остановить охранников у него не получится, их больше и у них есть лучи, а он один, и его завод на исходе. И Аруана не спасёт, и ракету на Луну не запустит.

Логос-аппарат выдал однозначное решение – нужно оставаться на месте. Но по какой-то причине Джейту оказалось очень непросто это сделать; невзирая на все логические расклады, автоматон так и порывался выйти на улицу и ввязаться в заведомо проигрышную схватку, чтобы выволить Аруана.

«Твой логос-аппарат будет уничтожен не зря, Аруан, – наконец, проговорил про себя Джейт, словно обращаясь к старому автомату. Он понимал, что тот его не слышит, но всё равно по непонятной ему самому причине испытывал непреодолимый импульс сказать эти слова. – Именно благодаря тебе будет спасено человечество».

Когда процессия скрылась, Джейт вышел на улицу и, убедившись, что поблизости нет охранников, отправился к взлётному полю.

Логос-аппарат автомата тщательно зафиксировал все пояснения Аруана о том, как запустить ракету. Установка запуска находилась в небольшом здании, построенном внутри огораживающих взлётное поле стен, но во время беспорядков её разгромили. Поэтому Джейту предстояло включить механизм аварийного запуска изнутри ракеты. Люди не собирались им пользоваться, потому что вторая ракета была не приспособлена для того, чтобы поддерживать условия, позволяющие выжить человеку в космосе, а, значит, запускающий ракету изнутри был обречён на гибель. Тем не менее, запасной вариант Люди всё-таки предусмотрели.

До ракеты оставалось всего несколько десятков ярдов, когда со стороны ворот раздался громкий приказ:

– Автоматон G8, остановитесь!

Джейт ускорил шаг. Охранники! Ему нужно добраться до ракеты прежде, чем те применят к нему лучи!

– Автоматон G8, остановитесь немедленно!

До входа в ракету оставалось ещё существенное расстояние, а охранники уже потянулись к своим грудным пластинам. Сейчас для него всё будет кончено!

Автоматон почти бежал, когда услышал какой-то шум, и окуляры зафиксировали на самом краю поля обзора яркие вспышки. Не замедляя шага, Джейт оглянулся – и увидел, как на охранников наступают другие автоматы, теснят их, хватают за манипуляторы, не давая им направить лучи на Джейта.

«Это те самые автоматы, с которыми контактировал Аруан! – понял он. – Они пришли сюда, чтобы дать мне возможность улететь!»

Джейт забрался в ракету, задрал тяжёлый металлический люк и зашёл в рубку управления. На простой панели в самом центре располагался гладкий латунный рычаг с надписью «Пуск». Джейт потянул его на себя. Пол под ногами завибрировал, пронзительно зашумели двигатели, и ракета взмыла в воздух.

Сквозь маленький иллюминатор Джейт не отрываясь смотрел на взлётное поле. С высоты стремительно уменьшающаяся картина выглядела совсем иначе, чем с земли, и на миг Джейту показалось, что он видит не охранников и падающих под их яркими лучами автоматов, а Людей, которые точно так же сражались здесь три месяца назад.

Логос-аппарат отметил сбой в функционировании окуляров и перенастроил их.

Когда Джейт снова взглянул в иллюминатор, земля осталась уже далеко позади.

* * *

Приземление оказалось жёстким, ракету сильно потрянуло.

Автоматон с трудом открыл люк, и логос-аппарат послал тревожный сигнал о критически низком уровне энергии. В таких ситуациях при отсутствии возможности завода требовалось запустить маятник аварийного хода. Его хватало ненадолго, но всё-таки он давал автоматам немного времени.

Джейт уже потянулся к грудным пластинам, как вдруг совсем рядом увидел вторую ракету. И из неё как раз выбиралась громоздкая, неуклюжая фигура.

Автоматон осознал, что шестерёнки двигательного устройства в его грудном отсеке закрутились с удвоенной скоростью, а микрофоны уловили тихий и уже знакомый звук – «тук-тук, тук-тук». Это маятник аварийного хода вновь пошёл сам собой.

Джейт выбрался из ракеты и остановился, глядя на приближающуюся к нему фигуру. Массивная, бронзового цвета, с крупными заклёпками и зажимами на месте основных сгибов, со шлангом, идущим от лица куда-то за спину, та шагала медленно и тяжело. Логос-аппарат обрабатывал поступающие данные и выдал предположение, что навстречу Джейту идёт автоматон неизвестной ему модели.

«Неужели я опоздал? – подумал Джейт. – Неужели Люди всё-таки умерли, и единственный, кто здесь остался – этот автоматон?»

Тем временем массивная фигура дошла до Джейта, и в прозрачном экране головного отсека автоматон разглядел человеческое лицо, густо поросшее волосным покровом.

«Это не автоматон, это Человек в защитном костюме», – понял Джейт – и это была его последняя связная мысль. Логос-аппарат засбоил и заикнулся на одной-единственной фразе: «Люди! Настоящие люди!»

– Дружище! – донёсся до микрофонов Джейта глухой голос. – Дружище, ты всё-таки прилетел!

Человек в защитном костюме неуклюже обхватил верхние манипуляторы Джейта руками и прижал к себе.

– Дружище! – снова и снова повторял он. Речь Человека была сумбурной, сбивчивой, но Джейт впитывал каждое слово. – Какой же ты молодец! Как же ты вовремя! Сонного газа в камерах почти не осталось, питьевая жидкость и кислород на исходе... Мы уже совсем отчаялись! Решили, что не только люди погибли, но и андройды перегорели! Что некому отправить за нами вторую ракету. И тут – ты!

Джейт неподвижно стоял рядом с настоящим, легендарным Человеком, и его датчики улавливали частое, громкое сдвоенное «тук-тук». Автоматон не сразу понял, что это стучат в унисон его собственный маятник аварийного хода и сердце Человека.

А когда понял, ощутил, что в грудном отсеке разлилось неожиданное тепло. Если бы логос-аппарат функционировал как положено, Джейт, несомненно, сделал бы вывод, что это был всего лишь результат нагрева шестерёнок центрального двигательного устройства из-за того, что всё это время они крутились с удвоенной скоростью. Несомненно.

Но мыслительные процессы логос-аппарата всё ещё не восстановились, и Джейт знал только то, что в грудном отсеке у него почему-то стало очень тепло.

2

Манназ – Дагаз

Особые, уникальные способности, умение вызывать перемены и влиять на других.

Лучшее из времен

– Возьми меня с собой в лучшее из времен, – сказала она и опустила голову мне на плечо. Пахнувшие жасмином волосы щекотали нос и щеку. Мои руки лежали на ее талии. Сквозь легкую ткань багрового платья чувствовалось тепло ее тела. Вокруг нас кружились другие пары: дамы, разодетые в бальные наряды, кавалеры в парадных костюмах – калейдоскоп красок, драгоценностей и расфуфыренных щеголей.

«Раз-два-три. Раз-два-три».

Мне казалось, что все взоры обращены к нам. Где-то на периферии стоял покрасневший герцог.

– А как же твой муж? – спросил я.

– К чёрту герцога, – сказала она.

* * *

Двое мужчин вышли из зарослей вечного кустарника, преградив мне путь.

– Стой, Чернушка, – сказал первый, здоровяк в безрукавке из шерсти гриммокапуса, хватая моего Буцефала под уздцы. – Слезай.

– К-конечная остановка, – ухмыльнулся второй. Солнце блеснуло в его круглых очках, нацепленных на сломанный в нескольких местах нос.

Очкарик сжимал дезинтегратор армейского образца три тысячи пятидесятого года. Рас-труб оружия беспокойно вздрагивал в такт дрожи его рук. Буцефал таранился на грабителей, ожидая моего позволения откусить хотя бы кусочек от одного из них.

– Господа, – сказал я. – Какой я вам Чернушка? Вы меня с кем-то спутали.

– Да мы тебя хоть пришельцем с Центавра назовем! – рассмеялся здоровяк. – Хотя ты и есть Чернушка: черная ворона на черном коне. Ладно, давай кошелек и езжай себе дальше. Мы люди не злые.

– Д-добрые, – сказал очкарик, пошевелив кончиком носа.

С губ Буцефала на землю начала капать слюна.

– Что взять с бедного торговца временем?

Я бросил в дорожную пыль «дежурный» кошелек, в котором хранилось несколько мелких монет идохлый таракан. Удобная вещь, оставленная на виду для защиты от карманников. Здоровяк подобрал кошель, заглянул внутрь и недовольно поцокал языком.

– Обижает, – сказал он, вытаскивая из-за пазухи кристаллический нож.

– Обманывает, – поддакнул очкарик.

Он похлопал ладонью по шее коня, немного отведя в сторону раструб дезинтегратора, и Буцефал откусил ему руку по локоть. Грабитель повалился на землю, заливая кровью пожух-лую траву. Здоровяк замахнулся ножом.

Я раскрыл капсулу черного времени. Миг – и вокруг разлилось бесконечно далекое буду-щее. Багровое небо над головой вспыхивало молниями. Земля, прогибающаяся, словно резина, под копытами Буцефала, шевелилась черными щупальцами. Впереди холмилась темная масса.

Я сосредоточился, и хрономираж стал реальностью.

Одно щупальце, выросшее из горы плоти, обвило раненого очкарика, второе захлестну-лось вокруг шеи здоровяка. Нож, превратившийся в кусок чего-то мерзкого и вздрагивающего, упал на землю. Здоровяк, чья безрукавка изменилась в накидку из листьев вечных кустов, схватился за щупальце в тщетной попытке освободиться.

– Простите, – сказал я, глядя, как грабителей тащит к живым холмам. – Лучше бы вы взяли кошелек.

Это продолжалось недолго. Я слез с Буцефала и заставил себя смотреть на процесс еды, борясь с тошнотой, пока черное время не развеялось и не вернулись пыльная дорога и степь с выгоревшей под солнцем травой до самого горизонта. Буцефал с откушенной рукой во рту отбежал в сторону.

– Стой, – прохрипел я. – Стой, коняга. Сейчас же брось.

Буцефал скосил на меня сердитый взгляд, пожевал руку и положил на землю. Я выкопал ямку у дороги и похоронил останки неудачливого грабителя.

* * *

К вечеру справа от дороги показался старый космодром, представляющий собой нечто среднее между свалкой и кладбищем кораблей. Старик в изодранном скафандре и платке-бандане из кожи огненной ящерицы сидел у костра в кресле-качалке и жарил на вертеле кролика. Колени старика накрывал потрепанный, в заплатках, клетчатый плед. Я спешил и сел к огню, отпустив Буцефала в степь.

– Павел, – протянул мне руку старик.

– Алексей, – пожал я его сухую мозолистую ладонь.

– Живу здесь, – добавил Павел. – Наверное, считаюсь сторожем.

– Продавец времени, – продолжил я знакомство. – Еду в Бримир, приглашен на свадьбу герцога, товар везу, – похлопал я по сумке на поясе. – Хорошее время, старое, гостям понравится.

– Удачных торгов.

Быстро смеркалось. Из-за горизонта выглянула Первая Половина Луны. Второй осколок появится спустя полчаса. Они – словно несчастливые возлюбленные, которые вечно ходят друг за другом, но так и не могут встретиться. На небе зажглись звезды. Во тьме степи загорелись блуждающими холодными сполохами огненные ящерицы. Было слышно, как трещат в костре сучья вечных кустов да где-то далеко стучат копыта Буцефала – мой конь-зомби охотился на кроликов. В его венах вместо крови течет бальзамирующая жидкость, пища ему не нужна, но он ловит добычу для удовольствия и для меня.

– Угощайся, – кивнул Павел на мясо, по которому стекали в огонь капли жира.

Я отрицательно покачал головой.

– Спасибо, не голоден. Я лучше тебя послушаю. Как ты живешь здесь один?

– Да живу вот, сторожу никому не нужную рухлядь. Кстати, есть и достопримечательности. Видишь тот высокий корабль? – Павел ткнул полуобглоданной косточкой куда-то позади себя. – «Гордость Земли». Говорят, что именно на нем когда-то пробралась на Землю Королева таймпинов. Выжила тварь. На любой из планет Королевы притворяются местной жизнью, пока не нажмутся временем до отвала. Интересно, как они в действительности выглядят?

Я вспомнил темную шевелящуюся массу и вновь испытал приступ тошноты.

– Тебе плохо? – забеспокоился Павел.

– Всё нормально. Так что там с Королевой?

– Будто не знаешь.

– Долго еду, – пожал я плечами. – Вдали все по-другому.

– В городах предпочитают не замечать, как гибнет наш мир, – Павел подбросил в костер пучок сухой травы, и взметнувшееся пламя отразилось в его глазах. – Люди за высокими стенами думают, что колдуны и экстрасенсы почувствуют и не пропустят врагов. Но они ошибаются. Таймпинов уже не остановить. Когда потомство Королевы перебили, то оказалось, что таймпиры были и в прошлом. К нашему времени они расплодились настолько, что бороться стало бесполезно. Может быть, продавцам времени известно, как эти твари попали в прошлое?

Я пожал плечами.

– Мы же не гуляем по времени. Мы только заглядываем в него, консервируем и устраиваем представления.

– Ходят слухи о продавце, что сам может путешествовать. Том, кого лично инициировала Королева, отдав часть себя.

– Да? – сказал я. – Не слышал. Но уже ничему не удивлюсь.

– Я тоже разучился чему-либо удивляться. За последние столетия Земля сильно изменилась. Раньше, в лучшие времена, всё было по-другому. Ни инопланетных тварей, ни мутантов. Хотел бы я хоть раз увидеть то время. Может быть, ты мне его покажешь?

– Нет, старик, – сказал я. – Оно тебе не по карману. Очень старое, хорошей выдержки.

– Ну, нет так нет.

Вдалеке завыл степной волк. Потом к нему присоединились еще несколько. Кто-то тяжело и протяжно вздохнул, порыв ветра всколыхнул траву, и вой прекратился.

– А ты разве не боишься таймпинов? – спросил я.

– Чего их бояться? – хитро посмотрел на меня Павел. – Я уже старый, всего ничего времени осталось. Да и невкусное оно. Тебя, видишь, не испугался.

Я усмехнулся, но ничего не сказал.

– Думаешь, я не знаю, что сегодня на дороге к Бримиру сгинули двое мерзавцев? – продолжил Павел. – Степь полна слухов, надо только уметь их слышать. Понимать шепот ветра и язык маленького народца. Они о многом могут рассказать... Например, о том, как кто-то открыл портал и выбросил в будущее двух грабителей.

К костру подошел Буцефал и принес трепыхающегося кролика. Я схватил зверька за загривок и начал поглощать время его жизни. Кролик старел прямо на глазах, его шерсть облетала клочьями. Наконец он дернулся и затих. Я выбросил мертвое тельце во тьму.

– Яне питаюсь людьми, – сказал я Павлу.

– Догадался. Иначе бы с тобой не сидел, – Павел откинул плед и показал лежащий на коленях дезинтегратор. – Может быть, тебя этим не убьешь, но потрепал бы изрядно.

Мы еще долго сидели у костра, разглядывая горящую огоньками степь. На горизонте она встречалась со звездным небом, и казалось, что это огненные ящерицы взбираются в небеса. Я достал из сумки собиратель времени, разложил треногу и установил пустую капсулу.

– Зачем? – спросил Павел. – Всё слишком обычно.

– Обычно сейчас. Но в другое время этот хрономираж может стать моим шедевром.

Я собрал свет звезд и мерцание огненных ящериц, степной ветер и треск костра, выходящие остоны ракет и стук копыт Буцефала. Павел молча стоял рядом и старался не дышать. Я закрыл капсулу и сказал:

– Спасибо.

– За что? – удивился Павел.

– За то, что не испугался таймпира.

* * *

– Возьми меня с собой в лучшее из времен, – она опустила голову на мое плечо, и я утонул в мягких локонах, пахнущих жасмином.

Мы кружились в вальсе, не замечая никого вокруг. Где-то на границе зрения стоял ее муж, с которым сегодня она разделит брачное ложе. Но сейчас она была только моя, и я трепетно и властно держал ее в руках. Сквозь глубокий разрез платья на спине, стянутый завязками, пальцы чувствовали теплоту ее кожи.

– Я не краду чужих жен, – сказал я.

– А ты попробуй, – сказала она.

* * *

Я увидел башни Бримира издалека. Город тысячи рас и миллиона красок лежал на перекрестке торговых путей. Сюда съезжаются песчаные корабли из далекого Сабару, где люди выращивают бабочек, чтобы получать пряжу из их коконов. Сюда идут караваны вьючных драконов из Дзангибада, охраняемые мрачными чернокожими стражниками. Здесь находится Большой Университет, и лучшие умы мира считают за честь попасть на его ежегодные ученые собрания. Нет оружия острее, чем то, что куют оружейники Бримира. Говорят, что мотылек разрежет себя пополам, если сядет на лезвие такого меча. И ни один таймпир, как утверждают местные колдуны, не может переступить высоких стен этого города.

Но я прошел спокойно.

– Дворец вон там, – показал выпачканной в глине рукой гончар, лепящий вазу. – Иди по главной улице и не ошибешься.

Сколько раз я уже ходил к этому дворцу? Сколько раз время возвращалось на свой цикл, словно комок глины на круге, превращающийся в произведение искусства? Гончар изображал на чаше змея Уробороса, заглатывающего собственный хвост. Мы, словно это глупое пресмыкающееся, обречены вечно повторять свои же ошибки, не в силах вырваться из порочного круга.

Дворец выглядел слишком напыщенно со своими химерами на стенах и башней-обсерваторией. Сомневаюсь, что знать пользуется ею до сих пор, скорее, она служит лишь для декоративных целей. Пережиток прошлого.

– Ты торговец временем? – спросил стражник у ворот дворца. – Чего так долго? Тебя уже давно ждут. Его сиятельство не терпит ожидания.

Герцог походил на спустившегося с небес альва. Тонкие удлиненные черты лица, густые волосы – как по мне, он был слишком похож на женщину. Или на змею – кончик его раздвоенного языка постоянно высывался изо рта. Не думаю, что в предках герцога действительно побывали жители Сириуса, скорее, древняя генная модификация, попытка походить на звездных гостей. Сейчас, когда кости альвов давно сгнили в земле, а на месте их планеты осталось лишь туманное облако, такое подобие выглядит насмешкой.

Но я недолго разглядывал владельца замка. Мое внимание привлекла его молодая жена. В глубоком декольте ее платья висел сделанный из звездного золота кулон в виде Уробороса. На руках она держала ручного представителя маленького народца, который то и дело снимал свой шутовской колпак и корчил гримасы гостям. В глубине ее глаз клубилась чернота с багровыми вспышками, и я не в силах был отвести от них взгляд. Я понял, что покажу ей любое время, даже самое лучшее.

После ужина, где коронным блюдом служил дракон из далекой пустыни Дзангибада, запеченный в собственном панцире, все танцевали. Хозяин замка кружил в вальсе со своей женой, а я ловил на себе ее взгляды.

«Я хочу танцевать с тобой».

«Но ты уже жена подделки под альва».

«Думаешь, это меня остановит?»

– А теперь уважаемый продавец прошлого покажет нам свое самое выдержанное время!

Я не сразу понял, что герольд сказал это обо мне. Я поднялся, глядя на обращенные ко мне глаза. Маленький уродец запрыгал передо мной на столе, мерзко хихикая.

– Что хотят увидеть господу? – сказал я. – Может быть, время первых межзвездных путешествий, когда небо окрасится стартовыми шлейфами, а ваши души наполнятся гордостью за будущее Земли?

Они смотрели на меня, как на замороженный экспонат выставки мадам Рикко. Однажды я ходил мимо ее глыб вечной нетающей мерзлоты, в которых покоились мертвецы из прошлого – люди, застигнутые врасплох падением ледяной кометы. Я прогнал возникшее видение.

– Конечно же, вы достойны лучшего. Может быть, подойдет время безудержных генных модификаций, когда вы сможете разглядывать друг друга, словно в кривом зеркале, летать под потолком и нырять в глубокое море? Ваши тела будут непостоянны, и вы испытаете радость полного изменения.

Раздвоенный язык владельца замка жадно облизал губы и кончик носа. Маленький уродец подскочил к краю стола и принялся карабкаться по моей куртке. Острые коготки царапали кожу. Я поднес ладонь к его шее, карлик замер, сжался, затем завизжал и скрылся под столом.

– Нет, сейчас не время для безудержного веселья. Сейчас вечер романтики, надежд и ожиданий, а значит, подойдет лучшее из времен, капсулу которого я берег ради такого случая. Сегодня вы почувствуете себя частичкой прошлого.

Я вынул из сумки капсулу и подержал на ладони. Плененное в ней время рвалось на свободу.

«Только для тебя», – поднял я взгляд.

«Я знаю», – улынулась она.

Капсулы продавцов времени никто не может раскрыть, кроме самих владельцев, на чьи ДНК настроен шов. В моих пальцах она дала трещину, как куколка бабочки, разломалась на две половины, и древнее время освободилось. Дыхание перехватило от нахлынувшего хрономиража.

Зал изменился. Камень превратился в сталь и пластик. На больших экранах возникли движущиеся картинки, герои которых жили собственными жизнями. Они смеялись и пели, ссорились и дрались, демонстрировали какие-то товары, но это было неважно. За ними можно было просто наблюдать, вновь и вновь переживая их истории, словно нам всем показывали психотрансляции колдунов. Гостей окружила фантаσμαгория красок и чувств. Непонятно откуда доносился гомон толпы.

«Покупайте лучшие платья от Сен-Женев. Скидки до конца месяца».

«Праздничная распродажа удовольствия. Подарите вашей даме духи страсти».

«Скорый поезд Москва – Петербург отправляется с третьего пути».

«Правда, что торговца временем нельзя убить?»

«Говорят, за убийцей явится невидимый мститель, от которого не защититься никакими стенами».

Свет отражался от тысяч зеркал, освещая танцующие пары. Одежда гостей неузнаваемо изменилась. Она стала... дикой, непонятной и необычной. Невидимый оркестр играл незнакомую музыку, и ее переливы наполняли зал, кружили вместе с парами и уносились в небо сквозь цветные витражи. И с этим временем пришли спокойствие и надежда, словно не было межзвездных войн, взорванной Луны и безудержных изменений.

– Потанцуешь со мной? – сказала она, протягивая мне руку.

На ней было багровое, будто сполохи черного неба, платье. И лишь Уроборос по-прежнему висел на ее груди. Казалось, сделай хрономираж реальным – и мы сможем умчаться вместе на подъехавшем поезде.

– Я не умею танцевать, – покачал я головой.

– А ты попробуй.

Бурлящий вокруг нас хрономираж составлял я сам. Немного безумия и суеты двадцатого века, щепотка щегольства восемнадцатого, смешавшиеся надежда и тревога, красота и ожидание. В отличие от других продавцов, я умею возвращаться в прошлое и вновь и вновь проживать те же события. Но являются ли они теми же самыми, или каждый раз все происходит немного по-другому?

«Раз-два-три. Раз-два-три».

Мы кружились, как время, проглатывающее собственный хвост. Сколько раз это повторялось? Сколько раз ее пахнущие жасмином волосы касались моей щеки? Я помнил будущие и прошлые события, как легкий сон, которого никогда не было.

– Ты возьмешь меня в лучшее из времен? – спросила она.

– Я не могу, – ответил я. – Яне краду чужих жен.

– Жаль, – улыбнулась она.

Герцог облизывал губы, наблюдая за нами. Его пальцы то сжимались в кулаки, то скрючивались когтями хищной птицы.

* * *

– Уходи, – сказал слуга, проводивший меня на ночлег. Мне выделили помещение в старой обсерватории.

Сквозь дыры в куполе светили звезды, и в темноте неслышно носились летучие мыши.

– Беги, не стоит искушать судьбу. Это мой тебе совет. Слуга напоминал карлика из маленького народца.

Он выглядел грустным уставшим клоуном, который смыл грим и снял шутовской колпак.

– Никто не убьет торговца временем, – сказал я.

– Ты не знаешь нашего герцога, – покачал головой мой провожатый.

Он захлопнул дверь, и я остался наедине с темнотой. Кровать была жесткой, я ворочался и долго не мог уснуть. Наконец, я поднялся и подошел к окну, наблюдая, как по саду бегают вырвавшийся из конюшен Буцефал. Вместе с ним металась раздвоенная тень. Я стоял и смотрел их тревожный танец. На подоконнике примостился уродец из маленького народа и молча сидел рядом со мной.

Сейчас она в спальне вместе с герцогом, и мне казалось, я слышу их сладостные стоны.

Небо прочертила падающая звезда. Через минуту раздался далекий гул. Это где-то в степи упал очередной спутник. На рассвете его бросятся искать целые команды авантюристов. Некоторым из них улыбнется удача, и они вернутся с сокровищами, но многие найдут лишь черную смерть.

Уродец захихикал, схватил запрыгнувшего на подоконник кузнечика, открутил ему голову и принялся с хрустом жевать.

– Земля гибнет, – сказал я.

Уродец с удивлением посмотрел на меня. Из его рта торчали зеленые лапки.

– Во что превратились люди? Мы так хотели быть похожими на кого-то другого, что перестали быть самими собой. Все приходит в тлен. Все кажется бессмысленным и глупым, как жрать собственный хвост.

Уродец вынул изо рта лапу кузнечика, придирчиво ее осмотрел и выбросил за окно.

– Какой смысл повторять одно и то же? – я заглянул в его огромные круглые глаза со слабыми проблесками разума. – Это ведь уже происходило бесчисленное число раз. Королева таймпинов нашла приют в этом городе, и, к сожалению, я ее полюбил. Она придет ко мне этой ночью. Я не смогу устоять, и мы будем любить друг друга долго и страстно. А потом я возьму ее в двадцатый век. Она сделает меня таймпином, самым сильным, способным путешествовать во времени, чтобы змей пожрал свой хвост, чтобы я в будущем забрал ее с собой в спокойное время, где она сможет растить потомство. А в далекой бездне времен, когда на Земле уже не останется людей, Королева таймпинов примет свой истинный облик. Знаешь, как выглядит планета, полностью покрытая биомассой, поглотившей все остальные формы жизни? Но я так и не понял за все эти годы: Королева разумна, или ее разум – лишь форма притворства, мимикрия? И второй вопрос – все это правда, или эта история мне лишь когда-то приснилась?

Уродец задумчиво пожевал кончик своего колпака и спрыгнул за окно.

– Ну и черт с тобой, – бросил я ему вслед.

Она пришла неслышно, и ее руки коснулись моей шеи, расстегнули пуговицу на горле, опустили ниже.

«Возьми меня в лучшее из времен».

– Ну и черт с тобой, – повторил я, поворачиваясь и впиваясь в ее губы.

* * *

– Ломайте дверь!

Сильный удар вырвал меня из сна, сбросил с кровати. Жена герцога лежала рядом, а в дверь били чем-то тяжелым.

– Открывай, сын гриммо!

– Пустите, я вырву ему кишки!

Новый удар. Лезвие топора проломило толстые доски у самой щеколды.

Я накинул на себя одежду, схватил за руку свою любовь, потащил к окну. Снаружи гарцевал рвавшийся в дорогу Буцефал.

– Прыгай! – закричал я.

Моя Королева прыгнула. Дверь с грохотом упала, и в обсерваторию ворвались вооруженные люди. Позади стоял багровый от гнева герцог.

– Не убивайте! Он нужен мне живым!

Голый по пояс бугай успел первым. Он подбежал ко мне, замахиваясь топором. Я перехватил руку с оружием и опустил ладонь на его грудь. Я был голоден. Изрядно голоден и зол. Здоровяк постарел за мгновения. Его волосы поседели, кожа покрылась морщинами, топор выпал из ослабевшей руки, и мой противник со стоном опустился на колени.

Зачем? Зачем я это делаю? Он мне не враг. Он лишь подчиняется герцогу, я не хочу его убивать. Я с усилием оторвал ладонь, разрывая временные каналы, как невидимую паутину.

Ворвавшиеся люди испуганно смотрели на меня.

– Таймпир!

Не позволяя им опомниться, я выпрыгнул в окно. Приземлился грубо, неуклюже шлепнувшись на четвереньки возле Буцефала, на спине которого уже сидела Королева. Поднялся и вскочил в седло позади нее.

Через мгновение мы мчались – навстречу ветру и осени лучшего из времен, чья последняя капсула лежала у меня в сумке. Я остановил Буцефала у старого кладбища кораблей, где никто не помешает и можно будет спокойно превратить хрономираж в реальность. Расседлал своего коня.

– Беги! – похлопал его по шее.

Буцефал недоверчиво скосил взгляд.

– Беги давай! Свободен!

Конь отбежал на некоторое расстояние, остановился и нерешительно потоптался на месте, глядя на меня. Затем умчался в степь.

Я стоял и держал капсулу с плененным временем на ладони. В далеком прошлом я сам собрал это время – осень, когда у нас родился сын. Падали кленовые листья, и я смеялся, гуляя в сквере перед роддомом, ожидая, когда она выглянет в окно. Мне хотелось поделиться своим счастьем со всеми.

Я раскрыл капсулу, и лучшее из времен вырвалось на волю. За пределами хрономиража простиралась выгоревшая под солнцем степь и возвышались ракеты. Королева таймпинов стояла у «Гордости Земли», касаясь кончиками пальцев ее корпуса. А вокруг меня осень кружилась вихрем желтых листьев. Между усыпанных листвой скамеек гуляли влюбленные парочки.

Сосредоточься, преврати хрономираж в реальность, и шагнешь в далекую и столь близкую осень. Где же Павел, вспомнил я. Он хотел увидеть лучшее из времен.

– Павел! – позвал я. Сквозь меня проходили призрачные люди. – Где ты?

Я нашел старого сторожа на краю хрономиража. Высохший скелет в скафандре лежал на земле и смотрел в небо пустыми глазницами. Голый череп обтягивала бандана. Руки вцепились в дезинтегратор. Я нагнулся. Не думаю, что это сделала моя Королева. Она все время была со мной и просто не успела бы. Здесь побывал кто-то из других таймпилов.

...Наших потомков.

Как всегда неслышно, она подошла и остановилась у меня за спиной. Я ощутил жасминовый запах ее волос.

– Ты заберешь меня в лучшее из времен?

Она смотрела на мертвое тело, и в ее глазах не было сочувствия, лишь нетерпение и далекие багровые вспышки.

– Не помню, видел ли мертвого Павла в прошлый раз, – задумчиво сказал я.

Она обвила мою шею руками.

– Пойдем.

– Но если я его не видел, значит, история каждый раз происходит по-новому.

Она поцеловала меня в губы, сладостное тепло растеклось по телу, но мне почему-то представился раздвоенный язык герцога.

– И значит, все можно изменить.

Я мягко отстранил ее, до хруста сжимая в кулаке капсулу черного времени.

Хрономиражи наложились друг на друга. Впереди возникло бесконечно далекое будущее с багровым небом и шевелящейся горой биомассы. Я зажмурился, превращая хрономиражи в реальность, и оттолкнул Королеву от себя. Черные щупальца захлестнулись вокруг ее тела, Королеву потащило к голодной плоти.

Я открыл глаза и с криком бросился за ней. Но остановился на границе времен и заставил себя смотреть, как ее поглощает биомасса. Королева пожирала саму себя. Где-то безумно смеялся Уроборос, выплюнувший свой хвост, а по моим щекам текли слезы.

Потом я шагнул в осень, навсегда закрывая за собой становящийся иллюзорным мир.

* * *

Осень кружилась желтым листопадом. Осень гуляла вместе с влюбленными, не замечающими холодного ветра.

– Простите.

Рассеянный молодой человек в черном плаще случайно задел плечом парочку и, неловко извиняясь, поспешил прочь. Затем он вдруг остановился и обернулся. Девушка, слушая возмущения своего попутчика, тоже оглянулась. В ее глазах виднелись багровые сполохи, но, может быть, это было всего лишь отражение заката.

Кукольник

Карл появился в городе зимним утром, таким тёмным, что казалось, ещё не кончилась ночь. Безлюдная улица зябко куталась в сугробы, подернутые сединой дорожной грязи, колючий ветер жалобно подвывал в подворотнях. Панельные многоэтажки вяло подмигивали редкими желтыми глазами окон. По обледенелым рельсам мимо остановки, на которой застыла одинокая фигура, промчался, сердито звоня, пустой трамвай с табличкой «Следует в депо».

Карл вздохнул, перекинул большую дорожную сумку на плечо, взялся за саквояж на колёсиках – и пошёл вслед трамваю.

* * *

Небольшой старинный особняк, который арендовал Карл, почти затерялся среди высоких, хромово-стеклянных многоэтажек делового центра. Старожил города, в окружении современных зданий этот дом смотрелся чужеродно и немного нелепо.

Впрочем, горожанам было не до архитектурной нелепости, они были слишком заняты, чтобы смотреть по сторонам. Им нужно столько всего успеть – учиться, заниматься карьерой, искать прибыльные сделки, завязывать полезные знакомства, обрести перспективными связями, посещать курсы повышения квалификации, показываться на важных мероприятиях и репетировать нужные речи. Их дни были распланированы до самой последней минуты, и, несясь от одного пункта своего расписания к другому, они вообще не замечали, что на главной улице города в давно пустующем старинном здании впервые за долгое время завелся новый жилец.

И только когда над входом появилась неброская вывеска «Кукольный театр», старинное здание начали понемногу замечать.

Самым первым посетителем оказался вихрастый мальчишка лет десяти. Он пробежал между стойками с игрушками и, не задержавшись ни у одной, вернулся к поджидавшей его в дверях пожилой, скромно одетой женщине.

– И чего ты меня сюда притащила? Нужен мне сто лет какой-то дурацкий магазин с куклами. Что я, маленький, что ли? Нет, правильно мой папка говорит, самый лучший отдых – это компьютерная стрелька. Пошли отсюда!

Следующий посетитель оказался тоже мальчиком, ровесником предыдущему. Он вошёл в магазин – и замер у стойки с большим, в половину его роста, замком с остроконечными башнями, высокой крепостной стеной и смотровыми площадками, на которых замерли металлические фигурки рыцарей.

– Нравится? – спросил незаметно подошедший Карл.

Мальчик кивнул, не отрывая восторженных глаз от стражников у ворот и волшебника с хрустальным шаром в окружении конников. Маленькие фигурки были так хорошо сделаны и раскрашены, что казались почти живыми.

– На вывеске написано «Кукольный театр», – решил спросить мальчик. – Но внутри совсем как обычный магазин. Где же тут сцена и зал? Где проходят спектакли?

– Да везде, – ответил Карл, протянул ему нарядного конника, а сам принялся передвигать остальные фигурки. – Прямо сейчас один и начнется, и ты даже можешь поучаствовать. Как тебя зовут?

– Мартин.

– Значит, слушай, Мартин. Рыцари собираются в поход за сокровищем, которое охраняет дракон. Вон тот, на соседней стойке. И ты – командир отряда.

На славный поход за сундуком с драгоценностями ушло минут двадцать. Конники доставили сокровища в замок, а изящный сторожевой дракон с изумрудными глазами остался в живых, потому как командир отряда жалобно попросил голосом Мартина:

– А давайте не будем его убивать – смотрите, какой он красивый.

Когда спектакль закончился, мальчик сказал:

– Спасибо! У нас в городе никогда не было театра – ни кукольного, ни обычного. Я и не знал, что это так здорово!

– Никогда не было театра? – удивился Карл. – Почему?

– Ну, потому что для отдыха есть компьютерные игры и реалити-шоу по телевизору. А по-другому развлекаться нельзя.

– Почему? – еще больше удивился Карл.

– Ну, – снова протянул Мартин, – говорят, что такой отдых – самый полезный, а все остальное – пустая трата времени... Вы меня извините, мне пора помогать маме – она после работы газеты разносит, ей одной тяжело.

В дверях мальчик спохватился:

– Ой, я же не заплатил за спектакль. Сколько я вам должен?

– Нисколько.

– А разве кукольный театр – это бесплатно?

Карл улыбнулся в ответ и протянул ему фигурку рыцаря.

* * *

Молодой мужчина в дорогом тёмно-синем костюме рассеянно поглядел на стойки с игрушками и осведомился:

– Вы продаете свои поделки?

Карл слегка наклонил голову и не ответил.

– У матери сегодня день рождения, мне надо срочно купить ей подарок. Помогите мне что-нибудь выбрать, она любит такие безделушки, а потом курьер заберёт покупку и доставит маме.

– А почему бы вам не отдать ей подарок самому?

Молодой мужчина удивленно взглянул на владельца магазина:

– Когда? У меня через пятнадцать минут совещание, а потом деловой ужин.

– Да, но ведь это же день рождения мамы.

Мужчина раздраженно пожал плечами:

– Это очень важная встреча, которая может обеспечить мне повышение... Так что посоветуете?

– Позвольте, я покажу вам маленький спектакль.

– Я же вам говорю, у меня через четверть часа совещание!

– Спектакль займёт всего пять минут, и вы прекрасно успеете на свое совещание. А в подарок маме купите главного героя представления. Уверен, ей очень понравится.

Молодой мужчина нехотя направился вслед за Карлом к невысокой стойке.

Там, в уютной крохотной комнатке, оклеенной веселыми обоями в цветочек, у старинного резного трюмо напротив оконца, затянутого перламутровой слюдой, в кресле-качалке сидела обезьянка-старушка. Одета в длинное ситцевое платье, с седыми волосами, забранными в клубок на затылке, в очках, спущенных на самый кончик носа, она смотрела в окошко. В руках ее шустро летали спицы, и из-под них на колени выползал теплый мохеровый шарф. Старая обезьянка качалась в кресле и вязала, не глядя на спицы. Смотрела в окно и думала, что как раз тогда, когда она закончит теплый мохеровый шарф, непременно раздастся стук в дверь. Она откроет её, и на пороге будет стоять сын. Он живет очень далеко, на Севере, и именно

поэтому редко её навещает. Она проведёт сына на кухню, и пока на плите разогревается чай, сбегает в комнатку и принесет теплый мохеровый шарф. Сыну на Севере непременно сгодится – ведь там очень холодно...

В наступившей тишине молодой мужчина долго вглядывался в раскрашенную фигурку обезьянки-старушки в кресле-качалке. Протянул руку, но так и не дотронулся до неё. Выудил сотовый, приложил трубку к уху и, забыв про Карла, неуверенно пошел к выходу. Прежде чем за ним закрылась дверь, Карл успел услышать:

– Мама? С днем рождения. Я скоро буду.

Фигурка старушки-обезьянки смотрела ему вслед через слюдяное оконце, тихонько качаясь в своем кресле.

* * *

– Здравствуй, русалочка! – обратился Карл к нарядной девчужке, с любопытством разглядывавшей тряпичных кукол.

– Здравствуйте, – вежливо ответила она. Оглянулась на маму – та стояла около входа на улице и сосредоточенно говорила по телефону – и спросила: – А как вы догадались про русалочку?

– Очень просто, – улыбнулся Карл. – У тебя в волосах заколки в форме морских звездочек, на цепочке – кулончик-ракушка, на руке браслетик из рыбок и дельфинчиков. Да и кофточка на тебе синяя, как морская вода. Кроме русалок, так больше никто не одевается.

Девчужка заулыбалась и, бросив быстрый взгляд на по-прежнему занятую беседой маму, прошептала:

– Меня зовут Эльвира. Только маме не говорите, пожалуйста, а то она меня ругать станет. Мне нельзя притворяться русалочкой.

– А кем же тебе можно притворяться?

– Ну, например, брокером. Или топ-менеджером.

Карл улыбнулся бы, если бы девочка не была так серьезна.

– Не скажу, – заверил он. – А пока мама занята, хочешь посмотреть спектакль?

– Хочу! – обрадовалась маленькая русалочка. – Очень хочу!

Мама Эльвиры обнаружила свою дочку у витрины, оформленной под зеркальное озеро в кувшинках. Девочка зачарованно разглядывала вырезанных из дерева тритонов, русалок, моряков и рыбаков и выпиленных из разноцветных камней рыб, черепах и ракушек. Казалось, будто все они только-только замерли на своих местах.

– Эльвира! – укоризненно воскликнула мама. – Ты же у меня уже совсем большая, на следующий год в школу пойдешь. Сколько раз я тебе говорила – нечего тратить время на такие глупые игрушки. Лучше давай запишу тебя на курсы французского.

– Не хочу, – вздохнула девочка. – Мне хватает английского, музыки и хореографии.

– Ну, пойдем, я тебе новую компьютерную игру куплю, – предложила мама и, взяв дочку за руку, вывела её из магазина.

* * *

Прошло несколько недель, и в кукольный театр стали регулярно заглядывать любопытствующие. Кто-то покупал игрушки, на смену которым позже Карл непременно мастерил новые, но чаще всего люди приходили ради спектаклей.

Дети упоенно разглядывали тряпичных кукол и фарфоровых божков, вырезанных из дерева русалок, отлитых из разноцветного стекла лебедей, выпиленных из полудрагоценных камней черепашек, вылепленных из глины и умело раскрашенных викингов и скоморо-

хов. Вязаные совы, вышитые бабочки, бумажные мышата и металлические рыцари, песчаные замки, восковые фонарики, горы из гальки, лабиринты из спичек и озера из стекла – все они оживали, едва к ним подходил Карл. Каждая фигурка рассказывала свою удивительную историю, а затаившие дыхание дети, будущие риэлторы и аудиторы, не отводили взглядов от самодельных игрушек и, кажется, не вспоминали, что самые полезные отдых и развлечение – это компьютерные игры и реалити-шоу, и что языковые курсы куда важнее кукольных спектаклей.

Бывало, что и родители, снисходительно усмехаясь, подходили поближе. Подходили – да так и оставались до конца импровизированных спектаклей, глядя на оживающие самодельные игрушки, передвигаемые умелыми руками Карла, и слушая будто впервые сказки и истории, которые они знали уже давно и потому давно уже перестали в них вслушиваться и забыли, о чём они на самом деле.

В кукольных историях никто слыхом не слыхивал о топ-менеджерах и брокерах. Герои спектаклей не торопились успеть в тысячу мест, где им вовсе не надо было быть. Они работали там, где хочется, а не где престижно, дружили с теми, кто нравится, а не кто занимает важную должность. Говорили о том, что любили, а не о том, что положено. Отдыхали там, где красиво, а не где модно. Беспокоились не о нужных связях и о курсе валют, а о семье и о друзьях.

Это были истории и сказки не о карьерных успехах и больших заработках, а о подвигах и предательствах, о мужестве и о трусости, о дружбе, преданности и любви, о борьбе и о вызове, об отчаянии и об утрате, о горе и о простом человеческом счастье – истории о жизни, той, которая была совсем рядом, но на которую катастрофически не хватало времени в упорядоченных, распланированных, расписанных по минутам днях жителей этого города.

* * *

Слухи о кукольном театре распространились среди горожан. Иногда в небольшое помещение набивалось так много народу, что Карл отодвигал многочисленные этажерки и витрины к стенам, освобождая пространство в центре комнаты, а стенд, который служил сценой, ставил посередине, чтобы всем было видно.

Зрителям не хватало стульев, так что чаще они садились просто на пол, не беспокоясь об отглаженных платьях и строгих деловых костюмах.

Уступив настойчивым просьбам, Карл установил у входа большую малахитовую шкатулку с прорезью на крышке. Каждый желающий мог опустить туда монету – любую, какую может. Или сочтет нужным.

* * *

Прошло больше месяца, прежде чем в дверях театра снова появился Мартин. На этот раз он привёл с собой маму. Усталая, поникшая женщина равнодушно ходила между стойками и стеллажами вслед за восторженным сыном, безразлично кивнула в ответ на предложение посмотреть спектакль и, усевшись на жёсткий стул, едва не заснула от усталости.

Но в самый разгар представления, когда стеклянные фигурки, умело передвигаемые руками кукольника по импровизированной сцене, разыгрывали незатейливую сказку – историю об удачах и потерях, об одиночестве и о душевной силе, в глазах мамы Мартина утихла тревога. Забыв на несколько минут о том, что ждет её за дверьми старинного дома в центре города, женщина смотрела спектакль. А Карл смотрел на её лицо, озаренное чем-то отдаленно напоминающим счастье, и видел, что на самом деле усталая женщина была намного моложе, чем ему сначала показалось.

Когда спектакль закончился, мама смущенно поинтересовалась, когда Карл устраивает следующее представление, и всё порывалась заплатить.

А Карл упорно отказывался от мелких монеток, которые та протягивала ему, и приглашал на следующий спектакль.

* * *

Ранней весной, когда город по щиколотку погрузился в лужи талого снега, в магазине снова появилась Эльвира.

– Я сбежала! – торжественно сообщила она Карлу. – Мама тут через дорогу, прическу делает – для вечернего... Забыла слово. Ну, папа вечером устраивает какой-то важный... торшер?

– Фуршет, – подсказал Карл с улыбкой.

– Точно! – обрадовалась девочка. – Можно, пока маме волосы делают, я русалочку проведу? Как там они с тритоном поживают?

Разумеется, Карл показал ей новый спектакль. А Эльвира заверила, что теперь собирается приходить сюда регулярно.

– Мама меня не пускает, но я папу попрошу. Буду плакать – и он согласится.

А на следующий день снова появился Мартин. В руках у него была огромная коробка, внутри которой обнаружился целый зверинец из папье-маше.

– Меня мама научила, – гордо сообщил мальчик, доставая свои поделки. – Из старых газет сделал, почти сам, мама только немножко помогала, – похвалился он. – Склеил, раскрасил, и, представляете, вот они, – мальчик кивнул на бумажных зверей, – захотели показать мне спектакль. Я маму позвал и ей показал. Она сказала, что ей очень понравилось. И еще посоветовала вам показать. Только почему-то заплакала. Не пойму, почему... Хотите посмотреть?

Карл с трудом сглотнул и молча кивнул. Он понимал, почему заплакала мама Мартина.

* * *

Прошло чуть больше года с момента открытия кукольного театра, и Карла снова навестил его самый первый посетитель. Вихрастый мальчишка подошел к кукольнику и, не поздоровавшись, спросил:

– Вы покажете мне спектакль?

– Конечно, – кивнул Карл и повёл его к стойке с целым лесом деревьев из сердолика, хрусталя, аметиста и кораллов.

– Нет, – возразил ему мальчишка. – Я не хочу этот, я хочу, чтобы вы показали мне тот спектакль, который хочу я.

– И какой же ты хочешь?

Вихрастый мальчишка тут же ответил:

– Хочу про войну. Чтобы было много сражений, чтобы солдаты друг друга постреляли, а потом пошли на штурм вот того дома, где куклы сидят. И чтобы всех кукол замочили. Но только не понарошку, а по-настоящему.

– Это как?

– Ну, если солдат кинет гранату в дом, – мальчишка схватил ближайшую фигурку в ярком мундире, – то она попадет в куклу, и та взорвется – вот так, – и мальчишка столкнул одну из фарфоровых кукол на пол. Тонко звякнул фарфор, осколки брызнули в разные стороны.

– Нет, такого спектакля здесь не будет, – вымолвил Карл.

– Это почему?

– Потому что куклы не хотят его показывать, – отрезал Карл.

– Что я, глупый, что ли? – возмутился мальчишка. – Куклы не хотят! Это же вы их перемещаете, и вы за них говорите!

Карл вздохнул и решительно выпроводил сопротивляющегося мальчишку за дверь.

Но не прошло и недели, как тот вновь появился в кукольном театре. Да не один, а с отцом. Не обратив внимания ни на дюжину зрителей, ни на то, что спектакль был в самом разгаре, отец мальчишки подошел прямо к Карлу, достал из кармана чековую книжку и спросил вместо приветствия:

– Сколько?

– Простите?

– На сколько, говорю, выписывать чек? Я покупаю у тебя всю твою рухлядь, и ты будешь играть с моим сыном во что ему вздумается.

– Игрушки не продаются.

– Пытаешься торговаться? Не знаю, что тут такого нашел мой сын, но учти – я запросто могу выписать сюда настоящий театр, из столицы. И тебе тогда не достанется ни гроша.

– Я открыл кукольный театр не из-за денег.

– А для чего?

– Боюсь, вам этого не понять, – вежливо улыбнулся Карл.

Мужчина побагровел, рванул к выходу и уже в дверях прорычал:

– Я этого так не оставлю!

Громко хлопнула дверь.

В наступившей тишине к Карлу подбежала Эльвира и тихо сказала:

– Этот дяденька – он большой начальник. Я знаю, потому что папа его к себе приглашал, а папа – начальник большого банка и приглашает к себе только других больших начальников.

– Это бургомистр, – пояснил незаметно подошедший Мартин. – У вас теперь будут неприятности, да?

Карл ободряюще улыбнулся и ничего не сказал.

* * *

Неприятности появились в лице сухонького человечка с портфелем под мышкой, ни на миг не отрывающего взгляда от толстой кипы бумажек.

– Я пришел уведомить вас, что договор аренды на помещение досрочно расторгается по причине...

– О, даже причина нашлась! – усмехнулся Карл.

– По причине, – невозмутимо продолжил чиновник, – муниципальной необходимости. Вчерашним постановлением совета города решено изъять данное помещение из частной аренды и переоборудовать его под новый зал для компьютерных игр с целью наиболее полного удовлетворения нужд горожан в полноценном и гармоничном отдыхе. У вас есть неделя на то, чтобы освободить помещение.

* * *

Весть о том, что Карл дает последний спектакль, разнеслась по городу за считанные часы. Целыми днями в кукольный театр приходили люди, предлагали помощь, собирались вмешаться, выразить протест, написать в соответствующие инстанции, потребовать...

Карл с улыбкой качал головой и говорил короткое:

– Не стоит.

Накануне спектакля к Карлу пришли Мартин с мамой. Мартин грустно бродил среди стеллажей и стендов, гладил знакомые фигурки. Потом подошел к Карлу.

– Вы теперь уедете, и все опять станет как прежде, да? – спросил он, едва сдерживая слезы.

– Не станет, – заверил кукольник. – Помнишь, какой ты однажды показал мне спектакль? Ты смастеришь свои игрушки – из папье-маше, из глины, из дерева – да из чего угодно. И откроешь свой кукольный театр. Сначала у тебя будет всего один зритель – мама. А потом – кто знает?

Мартин задумался, потом кивнул и несмело улыбнулся.

А после появилась Эльвира. Зареванная, растрепанная, она подошла к Карлу и протянула ему небольшой сверточек.

Когда кукольник его развернул, то обнаружил там самодельную игрушку. Сшитая из лоскутков куколка в руках держала морскую звезду – одну из тех заколок, что Эльвира всегда носила в волосах, – и была одета в голубенькое платье, из-под которого выглядывал рыбий хвост. Русалочка.

* * *

Зрители едва уместились в кукольном театре. Сидели на полу и на подоконниках, стояли у стен и в дверях. Смотрели на сцену – смотрели внимательно. Там шел кукольный спектакль – самый большой спектакль из всех, что они видели. В нем участвовали все, абсолютно все игрушки театра. В каждой из них кто-то из зрителей непременно узнавал себя.

Спектакль рассказывал про маленький город, в котором каждый день его жителей был похож на предыдущий. Горожане заранее знали, что с ними будет завтра, и послезавтра, и послепослезавтра. Знали, на кого пойдут учиться, кем будут работать, с кем станут дружить, на ком женятся. Наизусть повторяли заученные фразы – готовые на все случаи жизни. Жили и были счастливы. Или просто не успевали задуматься, счастливы ли они.

И вот однажды зимним утром, таким пасмурным, что казалось, еще не кончилась ночь, в город пришел человек с большой дорожной сумкой на плече и с саквояжем на колесиках и открыл там кукольный театр.

Поначалу никто не приходил к нему – ведь в расписании жителей города не было ни одной свободной минутки. Но прошло время, и в театре появились зрители. Они смотрели спектакли и учились жить по-новому. Они приходили туда, потому что там, на представлениях, разыгрываемых самодельными игрушками, они учились чувствовать, любить, сопереживать, сострадать, радоваться, несмотря ни на что, и каждый день находить повод для счастья.

А потом, когда в кукольном театре прошло множество разных спектаклей, главный кукольник огляделся вокруг, улыбнулся и решил, что теперь-то ему можно идти в следующий город и давать представления уже там.

На прощание он устроил самый большой спектакль, собрав всех зрителей, кто хотя бы раз побывал у него в театре. А после представления он раздал всех своих кукол, повесил на плечо большую дорожную сумку, взял за ручку саквояж на колесиках и ушел по заснеженной улице вслед за гроыхающим пустым трамваем, спешащим в депо.

3

Наутиз – Перт

Встреча со смертью, тёмное колдовство, некромантия, существа из мира мёртвых.

Безмолвный слуга

Мы стояли по разным сторонам темной, залитой туманом подворотни в трущобах, сжимая оружие и пристально глядя друг на друга. Дуэль? Нет, скорее поединок без секундантов и правил. В руке Адриана парозефирный пистолет Кили – его излюбленное оружие, с которым он воевал в Цин. Я помню, как выстрелом из него он остановил российского самохода, пробив сантиметровую броню и попав механику прямо в голову. Русские тогда выступили на стороне узкоглазых, а мы дрались вместе с лягушатниками. Сражались не только за рынки сбыта опиума – Империи просто надо постоянно воевать, как и мужчинам демонстрировать свою силу. Правь, Британия! Я прошел всю войну бок о бок с Адрианом, а сейчас нас разделила темная подворотня.

Я сжимал свой револьвер. Пусть пороховое оружие – это вчерашний день, но оно не раз спасало мне жизнь. У револьвера есть преимущество перед кили – нет паузы после нажатия спускового крючка. Восемь десятых секунды – это очень долго. Порой хватает, чтобы выстрелить первым.

Но мы не стреляли. Мы стояли и смотрели друг на друга – я и Адриан, соблазнивший мою Эллис. Свидетелей не было – только скорчившийся у стены нищий, способный с легкостью ради горсти монет и хорошего костюма перерезать горло одному из нас, и безмолвный слуга Адриана, который замер у входа в подворотню. Его медная маска, на которой оседали снежинки, блестела отраженным лунным светом. Прорези для глаз казались черными дырами. Безмолвный никому и ничего не скажет. Он просто заграничная кукла – таких привозят из Нового Света. Говорят, их делают из мертвых негров – сначала пропитывают тело бальзамирующей жидкостью на основе опиума, оставляя подвижными мышцы, анимируют с помощью электричества, а потом покрывают медной броней с подключенным парозефирным двигателем. Кокни называют безмолвных слуг силлвантами. Конечно, они дорогие – недешевый материал, перевоз через океан, но быстро окупаются: ведь безмолвным не требуются ни еда, ни жилье. Они могут работать по двадцать четыре часа в сутки, и многие фабриканты заменяют людей на заграничные куклы. Недавно был подавлен бунт в Бермондси, когда выброшенные на улицу рабочие кожевенных фабрик попытались силой вернуться на работу.

Тишина. Заперхал нищий, зашелся в туберкулезном кашле. В Восхоле тяжело вздохнула паровая машина Вычислителя, и этот вздох прокатился по улицам. На флюгере испуганно закаркал ворон. В его крике мне послышался возглас Эллис: «Эдвард! Эдвард Хант! Не трогай его! Не смей!» А потом все начало происходить в безумном, но одновременно замедленном ритме. Как в мясорубке при Дайгу.

Мы синхронно поднимаем оружие, и два выстрела сливаются воедино. Но мой звучит на доли секунды раньше. Адриан падает, без крика и лишней суеты, отброшенный пулей, валится на спину. Я хватаюсь за раненую руку. Револьвер падает на землю. Со стороны нищего слышен клекот, похожий на бормотание стервятника, и не сразу понятно, что это смех. Затем время возвращается к обычному ритму.

Я поднял руку – указательный палец был оторван, кисть исковеркана пулей, торчали осколки костей, и из разорванной вены била струйка крови. Нищий бросился к Адриану и принялся потрошить его карманы, но пристрелить или прогнать стервятника у меня не было сил.

Я шел по заполненному туманом и снегом городу. Кровь стекала по руке и оставляла красный след на земле. В голове пульсировали болью строки баллады горцев: «Чьей кровию меч ты свой так обагрил? Эдвард, Эдвард? Чьей кровию меч ты свой так обагрил?» Казалось, что меня преследует смех нищего. Револьвер, на котором выгравирован мой девиз «Всегда есть время дать ответ!», остался на месте убийства, я заставил себя вернуться и подобрал оружие, прижимая к груди левой рукой. Правая безжизненно свисала вдоль тела. Как я теперь буду

стрелять? Безмолвный слуга все так же неподвижно стоял в конце подворотни и смотрел на мертвого хозяина.

«Чьей кровию меч ты свой так обагрил?»

Я упал, выпачкавшись в грязном снегу, поднялся и, держась рукой за стену, побрел дальше. Из-за угла здания Судейства на Семнадцатой стрит выбежала моя жена, бросилась ко мне, и я не знал – хочет она обнять или ударить. Но Эллис не сделала ни того, ни другого. Она остановилась в нескольких шагах от меня и поправила белокурый локон, спадающий ей на щеку.

– Где Адриан? – спросила у меня. Голос был поразительно спокойным, но в его глубине скрывался крик отчаянья.

– Я убил твоего любовника.

Голова закружилась, и я сел, опершись спиной о холодную кирпичную стену.

«Чьей кровию меч ты свой так обагрил?»

Эллис прошла мимо, как кукла или силлвант, по следу из красных капель, туда, где лежал Адриан. Уже через несколько минут я услышал за спиной ее суетливые шаги. Оглянувшись и увидел Эллис, держащую обеими руками направленный на меня кили.

– Эллис, нет!

Она всё не стреляла, но я чувствовал, даже видел, как ее палец постепенно давит на спусковой крючок.

– Эллис, не надо!

Раздался выстрел. Эллис покачнулась и выронила пистолет. Потом схватила за рану в груди и опустилась на снег. Я с удивлением посмотрел на дымящийся револьвер в левой руке. «Всегда есть время дать ответ!»

– Нет!!!

Я с отвращением отшвырнул оружие, бросился к Эллис, поднял ее неподвижную голову. На лицо моей жены опускались холодные снежинки.

* * *

Волны ударяли о старую древесину. За бортом лорчи¹ бесновался шторм, хотя в здешних широтах это считалось еще сносной погодой. Не так давно судно, заполненное пассажирами, как бочка в рыбной лавке соленой треской, миновало эстуарий и вышло из Темзы, отправившись в каботажное плавание. «Что, сухопутные крысы, вам несказанно повезло, – не говорил, а по-обычному рычал капитан Дженсон, настолько заросший, что борода делала его похожим на черного лохматого пса. Из копны волос торчали лишь красный нос и курительная трубка, источающая смрадный дым. – Я вас довезу до Китая, двадцать морских ежей вам в кишки». Капитан хотел выглядеть матерым морским волком, но акцент выдавал в нем прожженного кокни.

«Беги, Эд, – мой кузен служил в полиции и успел предупредить меня об опасности. – Беги из Лондона».

Пароходы с каютами первого класса для меня теперь были закрыты – бобби и агенты Скотланд-Ярда схватят при первой возможности. Меня искали за убийство жены, и не хотелось, чтобы Калкрафт-Вешатель на сей раз получил свою добычу. Оставалось надеяться на таких проходимцев, как капитан Дженсон. Я слышал, как он отчаянно спорил на каждом шлюзе, давая взятки.

¹ Лорча – парусное судно (вид джонки) с китайским такелажем и европейским корпусом. После первой опиумной войны в основном использовалось английскими торговцами в регионе Китая.

«Чертовски дорого вы мне обходитесь, надо бы содрать с вас побольше», – плевался он слюной вперемешку с табаком, когда спускался к нам в трюм.

Мы вышли из Темзы два дня назад. А сейчас в душном трюме, пропахшем грязным бельем, царил непривычная тишина, я слышал плеск волн, скрип обшивки и свое дыхание. Где-то пищали крысы. Куда подевались все пассажиры? Вот здесь, рядом с моей койкой, ютились молодая мамаша с пятилетней дочуркой. Возможно, именно такая же малышка – светло-волосая с огромными наивными глазами – могла бы быть у нас с Эллис, если бы на том балу она не познакомилась с Адрианом, и впоследствии я не спустил бы курок. Теперь Эллис мертва, моя рука искалечена, а я бегу от правосудия, но не могу убежать от самого себя.

Несколько дней назад к мамаше приставал Наваха, вокруг которого сгрудились головорезы и ворье всех мастей. Я видел, как она молча вырывалась из его объятий, пытаясь выползти из-под грузного тела. Она вообще была молчаливой, как и ее дочка. Я схватил Наваху за шиворот и оттащил в сторону. Тогда он ударил меня в живот так, что я сложился пополам.

«Что, Клешня, жить расхотелось?»

Но жить расхотелось самому Навахе, потому что я убил его следующей ночью. Главное было дожидаться своего часа. В полной темноте я воткнул нож ему под ребра, зажимая рот искалеченной рукой, пока жизнь не покинула его тело. Никто не опознал мой армейский нож. Никто не нашел на мне следов крови, и тело Навахи отправили за борт.

«Спасибо, – тихо сказала мамаша потом, когда плюющийся слюной и табаком капитан в сопровождении нескольких матросов покинул трюм. – Вы хороший человек».

Она ведь не знала, отчего я бегу. А я не знал, отчего бежит она. Сейчас ее койка пустовала. На полу валялась вырезанная из дерева детская игрушка.

Или куда пропал Поэт? Все звали его только по прозвищу. Этот худющий молодой человек – про подобных говорят «кожа да кости» – нацепив на длинный нос круглые очки, постоянно носился с томиком стихов Шекспира и путался у всех под ногами. Я поднял с пола раздавленные очки.

Куда все исчезли? Я добрел в темноте до лестницы, ведущей к закрытому люку. Аорча, имеющая громкое название «Королева Луизанна», шаталась под ногами. Я взобрался по лестнице и раскрыл люк, впуская в трюм соленые брызги и свежий ветер. Снаружи бурлили волны. Одна из мачт была сломана, на второй трепетали обрывки парусов. Спасательные шлюпки отсутствовали, и на палубе оставался я один.

У меня появилось стойкое чувство, что это уже когда-то случилось и я нахожусь в повторяющемся кошмаре. Вспомнились паника на корабле, когда пассажиры дрались за места в двух маленьких шлюпках. Давка, крики и детский плач. Я прикоснулся к натянутому вдоль борта лееру. «Стоять, сухопутные крысы! Первыми уходим я и команда!» Дженсон был уже без своей трубки – она раздавлена о палубу десятками ног. «За борт капитана!»

Я разглядывал пустую палубу, ранее заполненную ревущей толпой, среди которой была мамаша с ребенком. Выжили ли они? Попал ли я на шлюпку? Не помню. Картины прошлого приходилось выхватывать из вязкого тумана воспоминаний. Моих, чужих, навязанных? Где я?

«Это сон», – раздался чей-то голос, и я резко обернулся.

Она шла от кормы по направлению ко мне, и капли морской воды оседали на ее светлых одеждах.

– Эллис? – сказал я. – Но этого не может быть! Ты мертва!

На ее груди расцветало красное пятно. Я отшатнулся к леерам. По другую сторону борта ревела пучина. Мертвая Эллис приближалась, я смотрел на нее, и меня охватывало чувство нереальности.

«Ты всё равно не убежишь, Эдвард Хант».

Я перегнулся через леера. Внизу бушевал океан, брызги воды, как брызги тьмы, пучина, словно бездонная пропасть. Я шагнул в нее, и вода приняла мое тело.

Я проснулся от собственного крика.

Моя правая рука была зажата в медицинском зажиме, скорее напоминавшем тиски. Рядом находился Готфрид по прозвищу Костоправ – мой спаситель и одновременно мой мучитель. Он подобрал меня на берегу почти бездыханного, и теперь я снова в пригороде Лондона, живу в его доме.

«Излечение всегда проходит через боль», – любил поговаривать Готфрид, колдуя над моей рукой. В качестве обезболивающего он окуривал меня какими-то благовониями, и их запах смешивался с запахом моей крови.

«Сам по себе опий вреден, но стоит в него добавить вытяжку из африканской лианы – о! Тогда он превращается в поистине чудодейственное снадобье, погружающее в чудесные сны», – говорил Костоправ, держа в руках окровавленные щипцы.

В мареве сквозь дым и крик мой мучитель казался монстром, съедающим мою руку – палец за пальцем, кость за костью. пытка с небольшими перерывами длилась целый месяц. Когда я приходил в себя, то мог уйти – и уходил, но возвращался за следующей порцией боли и запахом благовоний, который хотелось вдыхать вновь и вновь. Я вырывался из тисков и кричал, что убью проклятого Костоправа, но тот только смеялся и снова принимался за свое дело, заменяя мои раздробленные кости на целые. Я не знал, где он их брал. Не спрашивал. По вечерам к Готфриду приходили какие-то мрачные личности, иногда оставляли мешки и звенели монетами на выходе.

Через месяц я уже мог сгибать пальцы. Но это была не моя рука – до кисти ее покрывал слой меди с подвижными сочленениями. Внутри нее находился миниатюрный парозефирный двигатель, и, когда я шевелил пальцами, сквозь тонкий металл раздавалось тихое звучание камертонов. Еще через неделю Готфрид вложил мне в руку кили.

– Неплохо, – сказал он, когда я прострелил центр мишени, стоящей в конце узкого переулка за его домом.

– Я не буду больше стрелять, – ответил я, глядя на пистолет. Из его дула вырывалась струйка пара. Внутри все еще дребезжал камертон, превративший энергию испарившейся воды в чистый эфир, вытолкнувший пулю.

Переулок был похож скорее на место для казни. Расстрелянная мишень с продырявленным центром сползла по стене.

– Неплохо, но недостаточно быстро для стрелка, – продолжил Костоправ, будто не замечая моего ответа. – Хотя ты заслужил поощрение.

Он бросил мне закупоренную склянку, в которой клубился туман благовоний. Я стоял и наблюдал за тем, как его потоки, словно живые, пытаются вырваться на свободу. Готфрид усмехнулся и пошел к узкой дверце черного хода, но вздрогнул, остановился и оглянулся, когда брошенная мною склянка разбилась о каменную стену. Всё так же усмехаясь, он пожал плечами и вернулся в дом, а я упал на колени, собирая трясущимися руками осколки стекла, сохранившие желанный аромат.

* * *

– Зачем я тебе? – спрашивал я у Готфрида.

Я жил у него в особняке. Мне больше некуда было пойти – не было ни дома, ни семьи. А здесь был Готфрид и запах опиума, смешанного с африканской лианой. Я уже узнал, чем занимается Костоправ. За скромной внешностью скрывался делец, поставляющий из Нового Света безмолвных слуг. Наверное, каждый третий силлвант в Лондоне проходил через его руки, ведь многие предпочитали покупать молчаливых слуг контрабандой, в несколько раз дешевле, чем у Вест-Индской компании.

– Каждый человек для чего-то нужен, – пожал плечами Готфрид. – Главное найти для него применение.

В тот вечер ушел очередной гость, и довольный Костоправ, насвистывая себе под нос, собирал на столе скелет какого-то монстра. У него уже было несколько костяных марионеток, с помощью которых он порой разыгрывал целые сценки, дергая за тонкие нити.

– Ты станешь моей правой рукой, держащей оружие, – сказал он.

– Нет! Я не буду больше убивать!

Рука временами все еще нестерпимо болела, и я баюкал ее, словно так можно было унять боль. Тогда Готфрид хитро улыбнулся и покатал по столу склянку с плененными благовониями. Я заворожено наблюдал, как за стеклом перемешивается вязкий молочный туман. Затем сжал зубы и резко повернулся, собираясь выйти из комнаты, но меня остановил возглас Костоправа:

– Стой! Сегодня для тебя будет работа!

Я остановился, и Готфрид продолжил:

– Знаешь, некоторые силлванты оказываются порченными, не хотят работать и бегут от хозяев. Редко, но такое случается – в отличие от вестиндцев, у нас нет ни времени, ни возможности тщательно проверять товар. Мы не вправе допускать такие промахи и лишаться клиентов. В общем, вчера силлвант сбежал у одного из наших покупателей. В последний раз его видели где-то в трущобах рядом с Чансери-лейн. Найди беглеца.

– Найти?

– Да, найди и убей. Он уже ни на что не сгодится.

– Нет.

Готфрид бросил мне склянку с плененными благовониями, и я автоматически ее поймал.

– Меня узнают, – сказал я.

Костоправ протянул мне медную маску.

– Не показывай свою левую руку, надень перчатку, и тебя примут за безмолвного слугу. Маска улыбалась замершей улыбкой.

– Тогда мне нужен револьвер, а не эта парозфирная дрянь, – положил я на стол свое оружие, и Готфрид довольно улыбнулся. Его улыбка чем-то напоминала искривившийся рот маски.

Уже перед выходом я спросил:

– Почему ты не посылаешь за беглецами своих силлвантов?

– Они слишком тупы, – Готфрид больше не обращал на меня внимания, возясь с костяной марионеткой. – Для этого нужен человек. Такой же послушный и исполнительный, но способный на самостоятельные решения.

Я нашел сбежавшего силлванта возле одной из пустых лачуг. Невдалеке находился квартал юристов, где высились каменные дома, а здесь росли, словно грибы-поганки, грязные лачуги с заклеенными старыми газетами окнами. Из одного выглядывало изъеденное оспой лицо, и было непонятно, кому оно принадлежало – мужчине или женщине. Силлвант стоял и смотрел на черный проем двери, и даже не обернулся, когда я остановился за его спиной и взвел курок револьвера.

– Обернись, – сказал я.

Силлвант послушался. Я прицелился в его медную маску и снова оказался на войне.

«Берегись, Эд!» – кричал Адриан.

Прямо на меня выскочил узкоглазый, замахиваясь ружьем со штыком. Адриан выстрелил, и мой враг свалился на землю. Я прицелился во второго. Китайцы бежали цепью, контратакуя из крепости Дайгу, когда наше наступление захлебнулось, и мы начали отступать. Среди противников прямо на нас шел русский самоход «Харалуг» – адское изобретение, механический гигант, повторяющий действия сидящего в нем механика. Движения рук и ног передавались через хитрые системы рычагов на парозфирные приводы, и железный голиаф, словно

человек, переставлял ноги, поливая все огнем из парозфирных пулеметов. Стволы вращались в вытянутых руках. Гиганта окутывал горячий пар.

Где-то над нами гудел паровой четырехплан системы Максима – вчерашний день, применявшийся еще до изобретения Джона Кили, но, судя по всему, бомбы у него давно закончились, так как летчик опускал летательный аппарат к самой земле и стрелял в китайцев из ружья. «Харалуг» поднял руки, и пули прошли пролетевший слишком низко четырехплан, разорвали его крылья в клочья, и паровой котел взорвался прямо в воздухе, обжигая оказавшихся под ним несчастных. Адриан выпрямился в полный рост, вскидывая руку с кили.

«Нет!» – закричал я, но Адриан был будто заговоренный – ни один из выстрелов узкоглазых не причинил ему вреда.

Пока самоход опускал свое оружие, Адриан успел выстрелить. Пуля пробила броню как раз под системой перископов, там, где находилась голова механика. «Харалуг» замер, а потом, повторяя действия человека, начал валиться на землю. Бегущие рядом узкоглазые сыпанули в стороны, спасаясь от обжигающих клубов пара. Но я видел не только их. Невдалеке на поле сражения, между нашими и китайцами, стояла женщина в белых одеждах.

«Тебе не убежать, Эдвард Хант».

Я выстрелил в одного из узкоглазых...

И медная маска силлванта брызнула осколками и каплями жидкости, заменяющей безмолвным слугам кровь. Я вновь вернулся в реальность, спасаясь от войны и Эллис.

* * *

С тех пор я стал цепным псом Костоправа и свyksя с медной маской на своем лице, ведь без нее я не появлялся на улице. Идущий по заданию хозяина силлвант никого не интересовал. Я уже не сопротивлялся, просто выполнял работу, получая за это плату, которая погружала меня все глубже в воображаемый мир, где прошлое смешивалось с настоящим, и я не мог отличить реальность от иллюзий.

Осенним днем, когда грязь присыпало первым колючим снегом, пришлось драться с людьми. Дело происходило в порту, где в то время стоял «Грейт-Истерн», и огромный пароход закрывал собой полнеба. Меня даже ранили в плечо, но опиумные пары притупили боль. Я убивал конкурентов Готфрида без зазрения совести – все те, кто пытался отбить его товар, были отъявленными головорезами.

Но однажды все изменилось. Готфрид приказал найти сбежавшего силлванта, который находился где-то в трущобах Бермондси. Я шел, и грязь заляпывала брюки едва ли не по колено. Зловоние кожевенных фабрик проникало под маску и щипало глаза. Через канавы были перекинuty мостики, ведущие к покосившимся лачугам. Этот силлвант, как и мой самый первый, стоял возле одной них. С удивлением я понял, что это женщина, хотя обычно с дефектом оказывались лишь силлванты, сделанные из мужчин.

Я поднял револьвер и выстрелил, с одним лишь желанием: поскорее выбраться из этих трущоб. Я промахнулся и не попал в голову. Пуля проделала дыру в груди безмолвного слуги, и силлвант опустился на колени. Моя рука дрожала. Я снял маску и вытер пот со лба. Подошел к силлванту, приставил револьвер едва ли не вплотную к его голове, но не выстрелил, потому что сквозь прорези медной маски на меня смотрели голубые глаза. До тех пор я никогда не видел негров с таким цветом глаз.

Тогда я сорвал маску с его головы. Это оказался не негр из Нового Света. Это была женщина с лорчи, та, что пыталась уплыть из Лондона вместе со своей дочуркой, и которую я спас от Навахи. Она повалилась лицом в грязь, и в моей руке осталась лишь ее маска. Перед глазами все закружилось. Вернулись воспоминания, отнятые у меня парами проклятого алхимика.

Лорча из прошлого будто наткнулась на рифы. Судно вздрогнуло, его обшивка затрещала. Затем что-то скользнуло под днищем. В трюме закричали пассажиры. Мы бросились на палубу, толкаясь и сбивая друг друга с ног.

«Беги, Эдвард», – смеялась мне вслед мертвая Эллис.

Возле судна покачивалось на волнах всплывшее и окутанное паром механическое чудовище. Ворвавшиеся на палубу люди в медных масках хватали зазевавшихся пассажиров и отправляли их в открытый люк подводного судна.

«Стоять, сухопутные крысы! Первыми уходим я и команда!»

«За борт капитана!»

Они пытались спустить шлюпки и выбраться из гибнущего судна, но работоторговцы не пощадили никого.

«Что струсил, мой герой?» – спрашивала Эллис.

Я вырвал из рук мертвого матроса кили и выстрелил в одного из захватчиков. Проклятая пауза! Враг успел отшатнуться. Приклад ружья ударил меня в грудь, я покатился по лестнице в трюм, приложился головой и потерял сознание.

Потом были холодная вода, когда я, спасаясь с тонущей лорчи, прыгнул за борт, берег со скользкими камнями и подобравший меня Готфрид, который лично наблюдал за нападением.

– Ты плохо справился с заданием, – сказал Костоправ, едва я вернулся обратно.

Я стоял, вспоминая женщину, которую занес в лачугу. Это был силлвант, не человек, но ее глаза смотрели поразительно ясно, будто она меня вспомнила.

Я стоял перед Костоправом, и моя медная рука сжимала револьвер. Внутри нее надсадно гудели камертоны, но пальцы не слушались.

– Ты убиваешь людей, – сказал я.

– Нет, что ты! – улыбнулся Готфрид. – Это ты у нас убийца. Ты и подобные тебе собственноручно убивали людей на войне и продолжаете это делать сейчас по моему приказу. Люди всегда умирают, мой друг, с этим ничего не поделаешь. Разве тебе жалко этих отбросов общества, что вечно копошатся в грязи и обречены работать до смерти? Количества мертвецов давно уже не хватает, запросы Британии все растут, и Вест-Индская компания не справляется с поставками. Попади в нужную нишу, и деньги текут к тебе рекой, а власть на многое закрывает глаза.

Я переложил револьвер в здоровую руку и попытался пристрелить эту тварь, но тело не подчинялось.

– Африканская лиана дает не только чудесные грезы, – рассмеялся Готфрид. – Именно она входит в состав бальзамирующей жидкости силлвантов. Полное подчинение. Ты не сможешь поднять руку на своего хозяина. Тем более, что уже не выживешь без этого. Держи.

Он бросил мне склянку с благовониями, и я механически ее поймал.

– А теперь пошел прочь! – скомандовал Костоправ.

* * *

После этого Готфрид продержал меня целую неделю без опиума и отправил на задание, когда я уже от отчаянья царапал пальцами стену. Я шел, и Эллис молчаливо следовала рядом. После случая с женщиной я понял, что силлванты, сохраняя остатки памяти, часто возвращаются к домам, где жили. И сейчас, когда Костоправ послал меня в Кенсингтон, я понял, что они сделали силлванта не из бедняка.

Я сразу его узнал: военная выправка, гордая осанка – Адриан выглядел так же, как и при жизни. Мы смотрели друг на друга сквозь прорези в масках, и мертвая Эллис стояла возле нас. Я подошел к своему врагу и сказал:

– Пойдем.

Силванты должны исполнять приказы лишь хозяев, но Адриан послушался. Он шел рядом со мной, и я больше не чувствовал к нему ненависти. Мой друг и мой враг, мы вместе прошли войну и полюбили одну женщину. Но теперь ты мертв, но послушных марионеток сделали из нас обоих.

– Держи, – сказал я, вкладывая в его руку револьвер. – Хотя знаю, что ты предпочитаешь современное оружие.

– Так быстро вернулся? – поднял брови Костоправ, когда Адриан в моих одеждах переступил порог его комнаты.

Готфрид держал на нитях костяную куклу, и та в изумлении подняла руки, повинаясь движению хозяина.

– Выполнил задание?

«Сначала ты снимешь маску».

Адриан уронил свою маску на пол.

«Потом поднимешь оружие».

Револьвер в руке силванта поднялся на уровень груди Костоправа.

«А после стреляй. Теперь ты повинешься только мне. Ты солдат, сохранивший часть памяти. А в случае, если командир предает, его смещают. Ты выстрелишь в Готфрида, даже если все, в том числе и я, будут убеждать тебя в обратном».

Я остановился за спиной моего друга. Рядом стояла Эллис.

– Стой! – вскрикнул Готфрид, но Адриан уже спустил курок.

Пуля попала Костоправу в грудь, и того отшвырнуло на пол. Кости марионетки разлетелись по комнате. Готфрид еще пытался подняться, глядя на меня, но из раны толчками выплескивалась кровь, и жизнь покидала моего мучителя.

– Для каждого из нас смерть принимает свой облик, – тихо сказал я, нагнувшись к Готфриду. – Ко мне она приходит в облике женщины в белых одеждах. А что видишь ты?

Готфрид закричал. Вскоре его крик перешел в хрипение.

Я выпрямился и повернулся к Адриану. Тот следовал моим приказам, и дуло револьвера в его руках смотрело мне в лоб.

– Ты права, – улыбнулся я Эллис. – Мне не убежать.

Рыжий, синий и мертвый

Дождаться сигнала оказалось сущим мучением. Глазея в темноту, Джек ворочался с боку на бок и гадал, сколько уже прошло времени.

Часы внизу гулко пробили одиннадцать. Джек зевнул – до полуночи оставался ещё целый час. И спохватился – как бы не задремать! Хотя – как можно заснуть, когда впереди такая ночь!

Чтобы чем-то себя занять, Джек принялся вслушиваться в тишину. Сначала в ней появилось тиканье старых часов из гостиной. Вслед за ним – сопение Эми и Сары, спавших в соседней комнате. Затем со двора донеслись тихий скрип разошедшейся калитки и сонное ворчание старого пса. Наконец, совсем уже издалека, с железной дороги ночной ветер принёс мерное перестукивание поезда...

Джек не заметил, как задремал. Ему снилось, что он оказался в Цинциннати и бродил между огромными заводами. Он заглядывал в окна, видел, что внутри производят тракторы, радиоприёмники, растворимый кофе и даже знаменитые «модели Т» мистера Форда, но всё никак не мог найти зомби-завод. А ему туда очень надо, он должен разузнать их секрет...

От стука камешка в стекло Джек резко сел на кровати. Вот тебе на – заснул!

Высунувшись в окно по пояс, Джек увидел, что внизу его уже поджидает Бен.

Джек тихо цыкнул в ответ, мигом оделся, засунул книгу с заклинанием под рубашку, вылез в окно, прыгнул на ветку стоявшего прямо напротив дерева, а уже оттуда спустился на землю.

Бен нетерпеливо поджидал приятеля; на земле рядом с ним лежали две лопаты и пустой мешок. Джек заглянул в мешок, увидел внутри куриные головы и шёпотом спросил:

– У мясника взял?

– Нет, – прошипел Бен в ответ. – Из ресторана украл.

Джек поднял одну лопату и поддёрнул широкие штаны, которые, несмотря на подтяжки, казалось, вот-вот с него спадут. Бен перекинул мешок через плечо, взял вторую лопату, и мальчишки зашагали в темноту.

Через четверть часа они уже перешли через железнодорожные пути и подходили к холму, на котором располагалось кладбище.

Кладбище было старинным, ещё с довоенных времён. Сначала там хоронили поселенцев, убитых в стычках с индейцами, потом – янки и конфедератов, павших на Гражданской войне, затем – немецких и ирландских иммигрантов, погибших на строительстве железной дороги, а теперь – жителей маленького городка Милвуд.

Мальчишки пересекли почти всё кладбище и остановились на окраине, там, где в траве виднелись два свежих холмика.

Ночь выдалась облачная, луна почти не выглядывала из-за туч, и вокруг было темно.

– Ты что, фонарь не взял? – с укором спросил Джек у приятеля.

– Сам видишь, что нет, – огрызнулся Бен.

– Ну, и как мы в такой темноте работать будем?

– А что, боишься, что без света промахнёшься лопатой мимо могилы?

– Дурак ты! Мимо могилы не промахнусь, а вот когда надо будет читать заклинание...

Ну, и что нам теперь делать?

– Тогда давай, может, завтра?

– Ты думай, о чём говоришь! На улице жара, к завтрашнему дню труп уже гнить начнёт.

Ты что, хочешь себе гнилого зомби?

– Нет, не хочу, – заверил Бен, переступил с ноги на ногу и, наконец, решился поделиться тайной: – Когда раскопаем могилу, то разведём огонь, у меня с собой «Люциферы» есть.

– «Люциферы»? – глаза Джека загорелись. – Покажи!

Бен пошарил в карманах штанов и выудил своё великое сокровище – потёртый спичечный коробок с чёрно-белой наклейкой «Люциферы».

– Откуда у тебя?

– Отец на прошлой неделе из города привёз.

О том, что отец приехал пьяным и спички просто выпали у него из кармана, а Бен их незаметно подобрал, он говорить не стал.

Открыв коробок, Джек с восторгом рассматривал деревянные палочки.

– Дай одну зажечь!

– Ну вот ещё, – буркнул Бен и забрал коробок у приятеля. – Там всего восемь штук, нечего их просто так жечь. И вообще, давай уже копать.

– Давай, – согласился Джек, взял лопату и подошёл к свежим могилам. Солидные надгробия ещё не привезли, и сейчас на холмиках стояли только временные деревянные кресты без надписей. – А в какой из них мистер Тейлор?

– Вот в этой, – уверенно заявил Бен, указав на правую.

– Точно?

– Точно. Я сам видел, как его туда положили.

– Ну, смотри, – протянул Джек, и мальчишки начали копать.

Казалось, прошло полночи, прежде чем лопаты наконец-то застучали по крышке гроба. Приятели выбрались из ямы и перевели дыхание.

– Доставай, – скомандовал Джек, и Бен вывалил из мешка куриные головы.

Вообще-то в ритуале из книги речь шла о головах страусов. Но страусов в Милвуде не водилось. Да что в Милвуде – наверняка и во всём штате! Собственно, о страусах Джек слышал только краем уха и знал про них лишь то, что это птицы и что они не летают. И потому справедливо решил, что может заменить страусов на куриц, они ведь тоже птицы и тоже не летают. И вообще, если бы тот, кто сочинил книгу, был местным, то наверняка написал бы в своём ритуале не про страусов, а про куриц – куриц в Огайо было в изобилии.

Мальчишки разложили птичьи головы вокруг могилы и переглянулись. Джек достал из кармана булавку, проколол себе большой палец, выдавил каплю крови и капнул ею на разрытую могилу. Бен повторил. Теперь зомби должен будет считать их своими хозяевами.

– Доставай «люциферов» и разводи огонь, будем читать заклинания, – распорядился Джек и потом с завистью наблюдал, как его приятель достал коробок, вынул из него одну спичку и чиркнул по шершавой поверхности над кучей собранных веточек. Джеку страсть как хотелось испробовать «люциферов» в действии, но он знал, что такой драгоценностью Бен делиться не станет даже с другом.

Веточки занялись, Джек уселся перед огнём, положил книгу на колени, Бен пристроился рядом, и мальчишки медленно прочитали вслух странные, непонятные слова.

Далее в книге говорилось, что после заклинания необходимо провести медитацию.

Джек не знал, что такое медитация, но решил, что это индейский танец. Как-то раз с проходящего через Милвуд поезда сошёл один индеец. После ещё говорили, что он сбежал из резервации. Тем вечером он напился в дым и показывал в салуне ритуальные пляски их племени. Уилл Виллик подглядывал в окно и потом изображал эти танцы приятелям в школе. Прочитав про медитацию, Джек вспомнил странные движения, которые выделявал Уилл, и решил, что это, должно быть, и есть медитация.

Следующие несколько минут приятели кружили вокруг могилы, выплясывая дикие индейские танцы. Закончив, они огляделись, ожидая сами не зная чего, но точно чего-нибудь необычного – не может же волшебный ритуал пройти незамеченным?

Вокруг ровным счётом ничего не изменилось. Только крошечный костёр, сожрав все веточки, потух.

– Я же говорил, что не получится с куриными головами, – расстроенно сказал Бен и засопел.

– Погоди, может, ещё всё сработало, – перебил его Джек, подбежал к краю разрытой могилы и с надеждой заглянул внутрь. Гроб стоял там же, где и прежде, по-прежнему закрытый.

Джек разочарованно вздохнул. Как же оно могло не получиться? Ведь всё так совпадало, начиная с книжки, которая попала к нему, можно сказать, мистическим образом: Джек нашёл её в одной из комнат гостиницы при станции, когда помогал матери там убираться – кто-то из проезжих её забыл.

На обложке красовалась надпись: «Советы по прикладной некромантии», – и название так заинтересовало Джека, что он тут же открыл книгу, хотя обычно заставить его читать можно было, только взявшись за розги.

Книга рассказывала про оживших мертвецов, кровожадных богов и магические ритуалы. Среди них Джек обнаружил подробное, со словами заклинания, описание воскрешения из мёртвых. Уверенный, что книга попала в его руки не случайно, Джек немедленно поделился со своим приятелем соображением, что надо бы испробовать заклинание на практике и сделать себе магического зомби. Бен согласился.

Правда, возможности долго не подворачивалось. Во-первых, для ритуала нужен мертвец. А в маленьком городке вроде Милвуда они появляются совсем нечасто. Во-вторых, страусиные головы; идея о курицах пришла Джеку в голову не сразу. Наконец, как ни захватывало дух от мысли о том, что они могут сделать своего собственного зомби, мальчишкам было страшно-вато, хотя они ни за что бы друг другу в этом не признались.

Но тут вмешались высшие силы и подтолкнули Джека с Беном к решительным действиям – в городке появилось сразу два трупа.

Страдавший внезапным удушьем мистер Тейлор от очередного неожиданного приступа умер и оставил тем самым свою аптеку без присмотра. Рыжий Джо, не раз пытавшийся выпросить у мистера Тейлора чего-нибудь крепкого из аптекарских запасов, как раз околачивался неподалёку и, не увидев никого за прилавком, решил, что пришёл его час. Джо ворвался в аптеку, бросился к шкафу, где хранились бутылочки с самыми разными лекарствами, откупоривал их одну за другой до тех пор, пока не нашёл ту, от которой божественно пахло спиртом, и тут же её выпил.

Неизвестно, что это была за жидкость, но известного пьяницу и дебошира Рыжего Джо она свалила замертво.

Словом, отговорок у приятелей больше не было, зато были два свежих трупа, книга с ритуалом и заклинанием и куриные головы как замена страусиным. Действовать надо было немедленно. И мальчишки, волнуясь, решились.

Только, видимо, зря они старались – сделать из мистера Тейлора зомби у них так и не получилось.

– Эй, – склонившись над могилой, на всякий случай попробовал Джек. – Эй, мистер Тейлор! Выходи!

Что-то глухо стукнуло изнутри гроба, и мальчишки отскочили от разрытой могилы.

Из ямы доносилось сопение и хрюкание. Джек с Беном схватились за лопаты и предусмотрительно отбежали на некоторое расстояние – мало ли что!

Наконец из могилы показались сначала чьи-то руки, а потом и всё тело. Оно неловко выкарабкалось наружу и, выпрямившись, повернулось к мальчишкам.

Именно этот момент выбрала луна для того, чтобы на миг показаться из-за плотных туч. Серебристые лучи упали на лицо человека, и приятели охнули – это был вовсе не мистер Тейлор!

– Рыжий Джо! – воскликнул Джек и повернулся к приятелю. – Ты же говорил, что в этой могиле лежит мистер Тейлор!

Бен всю таращился на зомби и, казалось, не слышал Джека.

Зомби, будучи существами спокойными, в жизни после смерти сохраняли основные черты своей личности. Если человек был застенчивым, то зомби из него станет ото всех прятаться, а если был драчуном, то и зомби будет всех задирать. Именно поэтому ребята собирались оживлять мистера Тейлора, из него зомби получился бы замечательный – аккуратный, исполнительный и внимательный. А вот какой зомби выйдет из Рыжего Джо, известного на весь Милвуд пьяницы, дебошира и забияки, даже и думать не хотелось.

Впрочем, сейчас уже поздно.

– Так что, у нас получилось? – прошептал Бен.

– Наверное, – осторожно ответил Джек и приказал Джо: – Сидеть!

Зомби послушно уселся на землю.

– Встань! – попробовал Бен.

Джо поднялся.

Мальчики переглянулись и, выпустив из рук лопаты, восторженно запрыгали и заскакали.

– Ура! У нас получилось! Мы сделали себе своего собственного зомби! – кричали они.

Чуть успокоившись, приятели приказали Джо собрать куриные головы и закопать могилу – не хватало ещё, чтобы в Милвуде пошли всякие слухи, – а сами принялись размышлять, как быть дальше: ведь появление нового зомби в городке немедленно заметят.

По слухам, в больших городах зомби можно встретить на каждом углу, а уж для южных штатов, потерявших после войны всех рабов, зомби в своё время стали просто спасением, заменив негров на хлопковых плантациях. Но в Милвуде зомби были наперечёт. Один помогал в почтовом отделении, четверо работали в поле, один имелся у мясника, один – у парикмахера, и ещё двоих держали в салуне. Зажиточный владелец продуктового магазина тоже купил себе одного.

Ну, и, конечно, у нового судьи было целых три личных зомби.

Судья приехал в город совсем недавно. Прежнего избрали в Сенат штата, и тот перебрался со всей семьёй в Цинциннати, а взамен в Милвуд прислали нового.

Как и все горожане, Джек наблюдал за торжественным прибытием нового судьи, мистера Кеннеди, в Милвуд. Он приехал не на поезде, как ожидали, а на личном автомобиле, той самой знаменитой «модели Т», слухи о которой дошли даже до их глубинки. Это был первый автомобиль, который видели Милвуд вообще и Джек в частности.

Судья оказался довольно молодым, улыбчивым и приятным мужчиной.

– Для судьи прямо-таки неприлично молодой, – неодобрительно заметила миссис Ривз. Она возглавляла кружок шитья и вязания, а, значит, являлась законодательницей общественного мнения городка.

У судьи было три зомби, красивая жена в большой шляпе с цветами и трое детей, девочка и мальчик, на вид ровесники Джека, и ещё один, совсем малыш, не старше трёх лет.

Дочку судьи звали Бетти. Джек не раз видел её в школе. Бетти носила платье в яркую клетку с широким отложным воротничком и белый передник, на ней были красные туфли, а на голове – большие банты. Ни одна девочка Милвуда в самый праздничный день не была такой нарядной, как Бетти – в обычный школьный день. Сразу видно, что она приехала из столицы.

То, что так восхищало Джека в Бетти, нестерпимо бесило его в её брате, Оливере. Выглаженный костюмчик, застёгнутая на все пуговицы рубашечка, модная шляпа, даже галстук – прямо столичный франт! Да ещё и личный зомби в придачу, который провожал Оливера и Бетти в школу и встречал после занятий.

Оливер поглядывал на одноклассников свысока, брезгливо поджимал губы, высоко задирал нос и начинал фразы с неизменного «А вот у нас в Цинциннати». У Джека кулаки просто чесались от желания заехать ему по физиономии.

Воскресный костюм Джека даже вполупину не был таким нарядным, как тот, что Оливер носил в обычный будний день, но зато теперь у него тоже есть свой личный зомби. И это здорово, вот только как объяснить его появление?

– Пожалуй, пока что нам придётся Джо прятать, – задумчиво произнёс Джек, рассеянно поддёргивая широкие штаны. Если взрослые узнают, что они сами сделали зомби, то за такое дело, несомненно, всыплют им розог.

– Пожалуй, – согласился Бен и невольно потёр место пониже спины, видимо, тоже подумав о розгах.

Джек почти посочувствовал приятелю. Отца у Джека не было, а мать порола его редко и не сильно. А вот Бену от отца доставалось крепко, особенно когда тот был пьяным. А пьяным мистер Харпер был почти каждый вечер.

– Я тут подумал, может, в старой тюрьме? – предложил Джек.

Тюрьма уже много лет стояла полуразрушенной и заброшенной, и никто не спешил её ремонтировать, особенно теперь, когда новую открыли при офисе шерифа, да и та обычно пустовала. Правда, сейчас в ней сидел какой-то преступник из шайки, очистившей несколько банков в Огайо и Пенсильвании. Суд над ним обещал стать важным событием; ожидалось, что приедут даже пинкертонеры из Цинциннати.

– А давай! – поддержал Бен идею приятеля, и мальчишки отправились к старой тюрьме, рассуждая по пути, что им делать со своим новым зомби.

Все зомби в Милвуде работали – кто в поле, кто в магазине, кто в доме. А чем будет заниматься Джо? Делать за них уроки? Или помогать по дому? Но ведь не приведёшь же его домой среди бела дня!

И даже в школе не похвастаешься перед приятелями, особенно перед этим столичным задавакой Оливером – их зомби сразу же увидят взрослые, и пойдут неприятные вопросы.

Наконец, приятели решили, что с Джо можно играть в ковбоев и индейцев или пиратов и англичан, можно брать его на речку, чтобы он ловил рыбу, а ещё можно велеть ему построить им вигвам или плот. Всем этим они решили завтра же и заняться. А пока завели его в здание старой тюрьмы и наказали:

– Сиди тут, никуда не выходи и жди, пока мы за тобой не придём.

И усталые, но довольные, отправились по домам.

* * *

Весь следующий день Джек с Беном заговорщически переглядывались и прямо-таки раздувались от гордости, что у них теперь есть такая замечательная тайна. Они не могли дождаться окончания уроков, чтобы прибежать к старой тюрьме и поглядеть на зомби при свете дня.

Однако на перемене их радостное настроение мигом улетучилось.

– Вы уже слышали, что один из наших зомби одичал? – вытаращив глаза от восторга и ужаса, рассказывал Боб Дэвис. – Сегодня утром мой отец вёз воду для парового котла на зерноочистке и встретил мистера Рассела, а тот ему сказал, что ночью кто-то залез в аптеку и всё разгромил. А ещё мистер Рассел сказал, что когда пришёл утром к аптеке, ему показалось, что оттуда выскочил зомби.

– И что теперь? – пытаюсь выглядеть равнодушным, спросил Джек, хотя у него уже появилось неприятное предчувствие – а не их ли это зомби набезобразничал? Прямо как Рыжий Джо при жизни...

– Не знаю, – пожал плечами Боб. – Наверное, будут сегодня осматривать всех милвудских зомби, это ведь опасно, если один из них начинает так себя вести.

– Зомби? Опасны? Не смешите меня! – высокомерно заявил разодетый Оливер, как-то затесавшийся в их кружок. – Зомби – самые смиренные создания на земле.

– Много ты знаешь! – ответил Боб, который, похоже, тоже недолюбливал новенького за столичный лоск и гордо задранный нос.

– А вот и знаю, – авторитетно ответил Оливер. – Всех зомби делают на заводах. Сначала отбирают трупы достойных людей с хорошим характером, потом их отправляют в особый цех, там им через отверстия в голове закачивают специальную жидкость, дырку в затылке закрывают затычкой, и они становятся послушными зомби. Когда мы жили в Цинциннати, отец меня даже водил на один такой завод.

Джек заметил, как неподалёку от них оказалась нарядная Бетти, и не утерпел:

– У вас в столицах, может, всё и так. А у нас бывает и по-другому, у нас их не только с заводов покупают, их ещё и магией оживляют!

– Точно! – охотно подхватил выдумку Боб. – И вот такие зомби могут быть очень опасными, ведь им-то не вливают через голову специальную жидкость, которая делает их послушными. Такой может даже напасть на человека, покусать его, и тогда человек умрёт от заражения...

Оливер высокомерно фыркнул:

– Можно подумать, у вас в вашем Милвуде есть такой!

– Есть! – заявил Джек, отчаянно желая сбить с чужака спесь.

– Врёшь!

– А вот и не вру!

– Тогда покажи мне одного!

– И покажу!

– Не покажешь!

– Покажу! Да вот прямо сегодня вечером!

– После заката, у нашего дома, – решил Оливер. – А если окажется, что ты всё наврал, то ты тогда... Ты тогда встанешь на большой перемене во дворе и громко скажешь три раза: «Я врун и трус!»

Джек содрогнулся от картины такого позора. Но отступать он не намеревался – воинственно поддёрнул широкие штаны и заявил:

– А если я приведу такого зомби, тогда ты встанешь во дворе и три раза скажешь, что ты дурак и задавака!

– Договорились! – выкрикнул Оливер.

– Договорились! – вызывающе повторил Джек, и враги, сверля друг друга ненавидящими взглядами, разошлись в стороны.

Когда Оливер удалился, Бен схватил Джека за рукав и зашипел ему в ухо:

– Ты что делаешь? Он же, как только нашего Джо увидит, тут же настучит своему папаше-судье, а потом знаешь, что будет?

Но Джек не ответил. Голова кружилась от только что брошенного чужаку вызова, и он чувствовал себя по меньшей мере на фут выше и в два раза сильнее. А неподалёку всё ещё стояла Бетти с красивыми розовыми бантами на голове и бросала на него любопытные взгляды.

Отмахнувшись от товарища, Джек поправил мятую соломенную шляпу и небрежной походкой направился к Бетти. Остановился от неё в паре ярдов и, будто между делом, заметил:

– Мисс, вам бы после заката сегодня во двор лучше не выходить.

Бетти с любопытством посмотрела на Джека.

– Вы что, и вправду приведёте магического зомби?

– Приведу, – уверил Джек и, напустив на себя суровый вид, добавил: – И он может быть очень опасен, потому вам, мисс, лучше оставаться в доме.

– А вы сами этого зомби разве не боитесь? – тревожно распахнув глаза, спросила Бетти.

Волнение девочки так польстило Джеку, что он немедленно почувствовал себя ещё на полфута выше.

– Что вы, мисс, – небрежно отмахнулся он. – Я знаю, как с ним управляться.

И, невероятно довольный произведённым впечатлением, Джек направился дальше, на ходу подтягивая сползающие широкие штаны.

* * *

Джек с Беном хотели сразу же отправиться к заброшенной тюрьме, но у них не получилось. Сначала они задержались посмотреть на автомобиль, который судья прислал за Бетти и Оливером. За рулём «модели Т» сидел зомби в форме шофёра.

Затем Бен увидел вдалеке своего отца, раньше обычного возвращавшегося сегодня с фермы, и оглянулся на приятеля.

– Я домой, – тихо сказал он, и Джек кивнул. Когда отец Бена возвращался с поля, он требовал, чтобы его встречала вся семья – жена, сын и две маленькие дочки. И если кого-то на месте не было, мистер Харпер страшно злился. А злить мистера Харпера не стоило – у него была очень тяжёлая рука и ремень с большой ковбойской пряжкой.

– Я зайду к тебе после ужина, – пообещал Джек.

– Только к зомби без меня не ходи, – попросил Бен, и Джек заверил, что не станет.

До ужина время тянулось бесконечно долго. Когда мать наконец позвала детей к столу, Джек торопливо съел свою порцию варёной кукурузы с куском кукурузного хлеба и побежал к Бену.

Из дома Харперов не доносилось ни звука. Это хорошо, значит, мистер Харпер заснул.

Джек тихо свистнул, и через несколько минут Бен появился на улице. Двигался он немного неловко, и Джек, догадавшись, что Бена опять выпорол отец, тихо спросил:

– За что?

– А, – отмахнулся Бен и, явно не желая продолжать эту тему, спросил: – Ну, что, пошли?

– Пошли, – кивнул Джек, и мальчишки отправились к заброшенной тюрьме.

Когда до полуразрушенного здания осталось всего ничего, приятели остановились и опасливо переглянулись. Сказки сказками, но они действительно сделали зомби не по правилам. Оживили его магическим ритуалом, да к тому же не тихого мистера Тейлора, а пьяницу и дебошира Рыжего Джо. Может, та жидкость, которую на заводах вливали в трупы, и правда не только оживляла их, но и делала послушными? А вдруг их самодельный зомби – буйный и будет кидаться на людей?

– Давай ты первый войдёшь, – предложил Джек, вспомнив, как сегодня Боб плёл Оливеру про заразные укусы зомби.

– Чего это я? – возмутился Бен. – Давай лучше ты, ведь зомби был твоей идеей.

– Да, но оживляли-то мы его вместе!

– И что?

– И ничего!

Некоторое время мальчишки насупленно смотрели друг на друга, пока Джека не озарила умная мысль.

– Давай бросим монетку!

– Давай, – с готовностью поддержал Бен, похлопал себя по карманам штанов и разочарованно протянул: – Только у меня нет медяка.

– У меня тоже, – приуныл Джек, даже и не став шарить по карманам – он точно знал, что в них ничего нет. Собственно, в них никогда ничего и не было – всё, что мать зарабатывала, убирая гостиничные комнаты при железнодорожной станции, уходило на еду и на лекарства младшей сестрёнке Джека, Саре.

– Тогда, может, зайдём вместе? – предложил Джек.

Такой компромисс устроил обоих. По крайней мере, рискуют они теперь одинаково.

Впрочем, приятели зря волновались. В полуразрушенном здании заброшенной тюрьмы пахло лекарствами и спиртом, на полу валялись пустые склянки, видимо, те самые, которые их зомби нагребил этой ночью в аптеке, а самого Джо не было.

– Ну, точно, он у нас опасный, – упавшим голосом сказал Бен. – Мы же ему наказали тут сидеть и нас дожидаться, а он ушёл. Хороший зомби, с завода, послушался бы. А наш, выходит, бракованный.

– Может, ещё и заразный, – мрачно добавил Джек и вздрогнул – до них донёсся страшный рёв взбешённого быка.

Мальчишки выскочили наружу и рванули к находящемуся неподалёку пастбищу.

И замерли около ограды, широко разинув рты.

В самом центре лужайки, угрожающе наклонив голову, рыл копытом землю грозный бык. Напротив, чуть пошатываясь, стоял какой-то человек. Рыжие волосы ярко блестели в свете заходящего солнца, и мальчишки мигом поняли, что это – их зомби.

– Рыжий Джо хвастался, что был когда-то известным наездником быков на родео в Вайоминге, – припомнил Джек и охнул: – Ой, он сейчас на быка пойдёт!

Похоже, именно это Рыжий Джо и собирался делать. Пусть его создали не так, как других, он всё же сохранил, как и остальные зомби, привычки, которые были у него при жизни. А при жизни Рыжий Джо больше всего любил надраться и подрасться. Сегодня ночью он разгромил аптеку и, вероятно, забрал оттуда всё, что пахло спиртом, а вот сейчас настала очередь быка.

– Может, нам его отозвать?

– А послушает?

– Не знаю, – пожал плечами Джек и тут же решил попробовать. – Эй, Джо! – крикнул он. – Джо, иди сюда!

Зомби повернулся к мальчишкам, некоторое время постоял на месте, а потом направился к ним.

– Слушается! – обрадовался Бен. – Значит, не такой уж он у нас и бракованный.

Однако разъярённый бык, увидев, что его противник удаляется, недовольно заворчал, наклонил голову и рванул прямо на зомби.

– Джо, сзади, сзади! – закричали приятели.

Джо обернулся, но, как и все зомби, сделал это слишком медленно. Бык нагнал Джо, с силой боднул в спину, а потом поднял на рога и отшвырнул к ограде. И, презрительно фыркнув, отбежал в сторону.

Встряхнувшись, Джо медленно поднялся, сжал кулаки и обернулся к быку, явно собираясь дать сдачи.

– Джо, – строго сказал Джек, – Джо, фу! Фу, тебе говорят! Оставь быка в покое, и пойдём отсюда!

Зомби несколько мгновений раскачивался на месте, но всё-таки послушался и перелез через ограду пастбища к мальчишкам.

– Ну, вот и ладненько, – обрадовался Бен. – Теперь куда, к дому Кеннеди?

– А как же! – ответил Джек. Мысленно он уже видел, как утирает Оливеру нос и как тот встаёт на перемене в самом центре школьного двора и громко выкрикивает: «Я дурак и задавака!»

– Дже-ек, – растерянно протянул вдруг Бен и дёрнул приятеля за рукав. – Джек, посмотри, что это с ним?

Джек взглянул на самодельного зомби – и разинул рот от неожиданности. Даже в вечерней полутьме было видно, что лицо Джо стало синим.

– Может, он просто на жаре... испортился?

– Если бы испортился, от него бы воняло, – разумно заметил Бен и потянул воздух носом. – А от него не пахнет.

Джек обошёл Джо кругом. Все зомби были землистого оттенка, некоторые даже – зеленые. Но он ещё ни разу не встречал зомби такого насыщенного ярко-синего цвета. Впрочем, ни разу не побывав за пределами Милвуда, он видел не так много зомби. Кто его знает, может, разноцветные зомби в порядке вещей?

Всё это он и изложил Бену. Приятель выслушал, но не согласился.

– Я думаю, это всё та жидкость, которую в зомби заливают на заводах. А наш Джо ведь самодельный, вот и зацвёл, как вода летом в пруду.

– Ну и пусть зацвёл, – отмахнулся Джек. – Какая разница? Так ещё и лучше будет, Оливер сразу поймёт, что наш зомби – магический.

По дороге к дому судьи приятели по очереди запрыгивали Рыжему Джо на спину и, воображая себя индейцами, пускали зомби то рысью, то галопом. Джо ни капельки не возражал, а при виде веселящихся мальчишек на его синем лице появлялось что-то, отдалённо похожее на улыбку.

– Классный ты парень, Джо, – заявил Джек, в очередной раз спрыгивая с его спины, и дружески хлопнул зомби по плечу. – Куда лучше, чем был при жизни... Только без обид!

Рыжий Джо подумал и легонько ткнул Джека в плечо в ответ.

Когда товарищи, наконец, добрались до особняка Кеннеди, немедленно показать зомби Оливеру не удалось – Джек замер возле ограды. На заднем дворе дома судьи, на качелях, привязанных к крепкой ветке платана, каталась Бетти. В нарядном платьице, с большими бантами в волосах, она была красивой, как картинка, и Джек, словно зачарованный, наблюдал за девочкой, сам не понимая зачем.

– Эй, – дернул его за рукав Бен, но Джек только отмахнулся.

– Подожди минутку, – пробормотал он, перемахнул через ограду и, поддёргнув широкие штаны, направился к Бетти.

Бен тяжело вздохнул, сорвал травинку и принялся её жевать. Чего не сделаешь ради друга! Хотя удовольствия наблюдать за тем, как Джек выставляет себя полным дураком перед какой-то девчонкой, конечно, мало.

– Добрый вечер, мисс, – вежливо поздоровался Джек, снимая с головы соломенную шляпу. – Вы всё-таки решили выйти на улицу?

– Добрый вечер, мистер Райли, – ответила Бетти и с любопытством наклонила голову. – А вы что, и впрямь привели магического зомби?

– Привёл, – важно кивнул Джек, поддёргнул широкие штаны и приосанился – его редко величали мистером Райли. Обычно только учитель в школе, и обычно – перед поркой.

– Что, и посмотреть можно?

– Только если издали, – ответил Джек и галантно добавил: – Не хочу подвергать вас опасности.

Заинтригованная происходящим, Бетти спрыгнула с качелей и пошла вслед за Джеком. За оградой, прислонившись спиной к кедру, сидел на земле и скучающе жевал травинку Бен.

А вот Рыжего Джо рядом не было.

– Бен, – позвал Джек, – эй, Бен! Где Джо?

– Ну, наконец-то, – проворчал Бен, поднимаясь. – Как это где? Тут.

– Где тут?

Бен оглянулся вокруг и испуганно уставился на Джека.

– Где Джо?

– Ты меня спрашиваешь? – изумился Джек.

– Ваш зомби сбежал? – вежливо спросила Бетти.

Мальчишки встревоженно переглянулись. И где им теперь Джо искать? Синего зомби на улицах Милвуда заметят в два счёта, а потом начнут дознаваться, кто его сделал, и непременно выйдут на них.

Тем временем из особняка судьи раздался душераздирающий женский визг.

Приятели, не сговариваясь, припустили к дому. Джек, однако, ещё умудрился обернуться и вежливо бросить Бетти на бегу:

– Извините, мисс, срочные дела.

Женский визг нёсся из широко распахнутых окон на первом этаже. Когда мальчишки добежали до них и заглянули внутрь, они увидели, что в детской на кровати лежал малыш, младший сын судьи, и, натянув одеяло до самого подбородка и зажмурив глаза, повторял:

– Няня, я буду слушаться! Я буду спать! Я буду всегда-всегда слушаться! Я буду всегда-всегда спать!

А няня, дородная чернокожая женщина в широком белом переднике, не прекращала визжать.

Рыжего Джо поблизости не наблюдалось.

Двери комнаты распахнулись, и в спальню ворвался сам судья.

– Что случилось, Аатиша?

Мальчишки немедленно присели под окном, чтобы их не заметили.

– Мистер Кеннеди, мистер Кеннеди, – запричитала няня. – Ваш сынок капризничал и не хотел ложиться спать, и я сказала ему, что за мальчиками, которые много капризничают, приходят страшные синие зомби и забирают их с собой. А потом... А потом... – женщина всхлипнула, – я глянула в окно, а там стоит он! Синий зомби!

– Что за выдумки, Аатиша! – раздражённо воскликнул судья, но Джек с Беном не стали слушать продолжения разговора. Они крадучись двинулись вдоль особняка мистера Кеннеди, пытаясь высмотреть в вечерних сумерках Рыжего Джо.

– От меня прячетесь? Или от своего магического зомби? – внезапно услышали они голос и обернулись.

Позади, уперев руки в бока, стоял Оливер и презрительно усмехался.

– Мы не прячемся, – заявил Джек. – Мы ищем. Зомби сорвался с привязи.

– Ну, конечно, – скривил губы Оливер. – Так я вам и поверил!

– Ты, кажется, сказал, что я вру? – воинственно набычился Джек.

– Да!

– Ну, раз я вру, подойди тогда и попробуй меня ударить!

– И подойду!

– Вот и подойди!

Оливер сделал несколько шагов навстречу Джеку, но тут прямо между мальчишками сломя голову пронёсся кто-то, голоса во всё горло:

– Мистер Кеннеди, мистер Кеннеди, зомби разбушевались!

В дверях особняка показался судья.

– Что значит – зомби разбушевались? – строго спросил он.

– Сам видел... в заброшенной копильне... – задыхаясь, сообщил бегун и махнул рукой в сторону раскинувшихся позади усадьбы мистера Кеннеди пастбищ. Там, среди пологих холмов, стоял покосившийся сарай, когда-то давно служивший копильней.

Джек с Беном, не медля ни секунды, припустили к нему.

Внутри и впрямь обнаружился их Рыжий Джо. Он тревожно метался из угла в угол и принюхивался – в бывшей копильне пахло самогоном, и зомби пытался найти источник.

– Джо! – воскликнул Джек строго. – Джо, стоять!

Зомби повернулся к мальчикам.

– Нас сейчас всех накроют! – испуганно воскликнул Бен.

Джек обернулся. Через пастбище к копильне уже спешил судья, вооружённый револьвером. За ним следовали ещё несколько человек, а позади, на приличном расстоянии, трусил Оливер.

– Джо, беги скорее к старой тюрьме и жди нас там, – приказал Джек.

Зомби послушался и побежал. К сожалению, он выбрал кратчайший путь к тюрьме, и тот пролегал как раз мимо мистера Кеннеди. Увидев несущегося прямо на него синего зомби, судья, недолго думая, всадил в него сразу шесть пуль. Но давно мёртвого Рыжего Джо это не задержало – он продолжил бежать.

– Папа, это магический зомби, – выкрикнул подбежавший к отцу Оливер. – Его оживили не на заводе, а магией, и он опасен и заразен. Мне мальчишки в школе говорили.

– Какие мальчишки? – спросил судья.

Джек с Беном встревоженно переглянулись и, прячась в тених, медленно, осторожно и незаметно попятись прочь от коптильни. А удалившись на некоторое расстояние, прыснули со всей мочи.

Когда запыхавшиеся приятели, наконец, добрались до старой тюрьмы, Джо внутри опять не было.

– Да что же это за напасть такая! – в сердцах воскликнул Джек. – Он вроде нас и слушается, но вели ему оставаться на месте – и он тут же куда-то убегает! Всё-таки бракованный он... Может, нам его связывать?

– Сначала надо его найти, – резонно заметил Бен.

Мальчишки обежали всё вокруг, но Джо так и не нашли.

На Милвуд уже давно опустилась ночь, пора было возвращаться домой.

– Завтра продолжим, – пообещали приятели друг другу, расходясь.

* * *

Следующим утром ещё до школы Джек с Беном наведались в старую тюрьму, ни на что, впрочем, особо не надеясь. Рыжего Джо там, конечно, не нашлось.

Уроки в школе тянулись особенно долго. А когда после занятий мальчишки возвращались домой, то увидели, что у почтового отделения на главной улице Милвуда собралась целая толпа. Приятели немедленно к ней пристроились – надо же узнать, что происходит.

На крыльце здания стоял шериф Флетли в надвинутой на глаза шляпе, с суровым выражением лица, сверкающей шерифской звездой на груди и ружьём на плече. Рядом с ним расположился судья Кеннеди.

– Значит, слушать всем сюда! – повысил голос шериф. – У нас объявился бешеный зомби. Вчера вечером его честь господин судья Кеннеди лично его видел, а он брехать не станет. А сегодня утром его запалил мистер Браун – зомби пробрался в его магазин и выжрал весь самогон, что гонит его миссис Браун.

– Это что же, кто-то из наших взбесился? – раздался голос из толпы.

– Нет, нашенских зомби мы уже проверили, они все нормальные. Этот – пришлый.

– Беспризорный, что ли?

– Не думаю, – шериф обвёл толпу многозначительным взглядом. – Мы тут с его честь господином судьёй это дело обмозговали и смекнули – его к нам заслали. В тюрьме ж нашенской банковский грабитель сидит; небось, его приятели зомби и заслали. Нас, значит, отвлечь, чтоб дружка своего вытащить. Да только у них не выйдет. Грабителя мы перепрытали и охрану приставили, а сейчас все слушаем сюда! Вот что мы будем делать. Женщины и дети – по домам, и сидеть, не высовываться. Мужчины – вооружайтесь, и сбор на этом же месте через полчаса. Пойдём прочёсывать окрестности, пока не поймаем этого зомби. Отличительные приметы – он рыжий, синий и мёртвый.

– Так рыжий или синий? – хихикнул кто-то в толпе.

– Это кто такой умный? – нахмурился шериф Флетли. – Лицо у него – синее. А волосы рыжие. Ярко-рыжие, как у Рыжего Джо, земля ему пухом.

Толпа заворчала и стала нехотя расходиться.

Джек с Беном испуганно переглянулись. Надо найти зомби прежде, чем его обнаружат другие. Ведь их Джо, пусть и синий он, и бракованный, всё равно смирный и добрый. А что вечно убегает и спирт крадёт – так это не его вина, натура у него такая. Главное, он совсем не опасный. Только вот взрослым это ни за что не объяснишь. Они и разбираться не станут – найдут, и...

– Вот вы-то мне и нужны, – раздался над головами мальчишек громкий голос шерифа, и в следующий миг Джека и Бена схватили за шиворот и поволокли к крыльцу почты.

Там, строго глядя на мальчишек, стоял молодой судья Кеннеди. Он многозначительно помолчал, разглядывая Джека с Беном, а потом коротко приказал:

– Рассказывайте!

– Что рассказывать? – заюлил Джек.

– Всё рассказывайте! Мне Оливер передал, что вы ему говорили, будто в Милвуде есть не заводские зомби, а магические. Что они заразные.

– Мы ничего не знаем! Отпустите! – выкрикнул Джек, извиваясь в руке шерифа.

– Если это правда, – как ни в чём не бывало продолжил судья, – то такой зомби представляет серьёзную опасность, и его нужно немедленно умертвить.

– Но он вовсе не опасный! – воскликнул Бен – и прикусил язык.

– Значит, всё-таки знаете, – удовлетворённо протянул шериф, встряхнул приятелей хорошенько и отпустил.

– Джек Райли, Бен Харпер, немедленно расскажите представителям власти всё, что вам известно! – произнёс мистер Кеннеди таким суровым, по-настоящему «судейским» голосом, что Джек сразу понял – всё, придётся признаваться.

Путаясь и запинаясь, мальчишки рассказали судье про головы страусов и про индейские медитации, про то, как они катались на Джо вместо лошади и как он любит самогон, и про то, что он – добрый, просто немножко бракованный, и потому стал синим.

Когда мальчишки закончили свой сбивчивый рассказ, шериф Флетли подозрительно нахмурился.

– Ане сочиняете?

– Нет! – дружно ответили приятели.

– Но это ведь... – шериф глянул на судью и закончил вопросительно: – Это же невозможно?

Мистер Кеннеди выразительно поднял брови.

– Мистер... ваша честь... господин судья, – волнуясь, спросил Джек, – а что вы с ним сделаете?

– Не убивайте его! – присоединился Бен. – Он совсем безобидный, просто самогон любит, вот и всё. Атак он хороший и полезный!

– Вы оба сейчас возвращаетесь домой, и чтобы оттуда – ни ногой, – приказал судья, так и не ответив на вопрос. – А с вашими проделками мы ещё потом разберёмся и придумаем для вас достойное наказание.

Мальчишки повесили головы. Всё ясно. Им не поверили, и когда их самодельного зомби отыщут, его тут же умертвят.

* * *

– Нужно найти его раньше, чем они! – повторял Джек.

Бен шёл рядом, понуро повесив голову и загребая ногами пыль на дороге.

– Ты меня слышишь вообще?

– Да слышу я, – вяло огрызнулся Бен. – Только вот делать-то что?

– Искать будем.

– Искать будем не только мы, но и пол-Милвуда. И потом, нам велели сидеть дома. Вот увидят нас – и нам ещё влетит.

– Нам так и так влетит, – отмахнулся Джек. – А вот Джо спасать надо. Да что ты, на самом деле, вялый, как рыбадохлая, а, Бен? Расшевелись!

– Чего ты от меня хочешь? Хочешь пойти зомбиискать? Ну, пойдём. Пойдём все пастбища обойдём, может, он где быка задирает. Пошли, ещё раз аптеку проверим...

– Точно! – воскликнул Джек. – Аптека! И магазин! Джо вечно спирт ищет! Значит, нужно сделать ему... самогонную приманку. Как только он спирт учует – сам прибежит, как миленький!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.